

Стасс Бабицкий

ГРЕМУЧИЙ СТУДЕНЬ



Сыщик Мармеладов

Стасс Бабицкий
Гремучий студень

«Бабицкий Станислав»

Бабицкий С.

Гремучий студень / С. Бабицкий — «Бабицкий Станислав»,
— (Сыщик Мармеладов)

ISBN 978-5-00-508170-4

Октябрь 1875 года. Ограбление века: похищены деньги на новые корабли для Балтийского флота. На следующий день при таинственных обстоятельствах погибает актер Малого императорского театра Михаил Столетов. А еще через день в редакцию «Ведомостей» подбрасывают листовку с угрозами: скоро взорвутся бомбы с гремучим студнем, и Москва утонет в крови! Сыщик Мармеладов подозревает, что три дела связаны, и берется расследовать их одновременно. Хотя это и сулит в три раза больше неприятностей.

ISBN 978-5-00-508170-4

© Бабицкий С.
© Бабицкий Станислав

Содержание

Часть первая. Цилиндр и треуголка	5
I	5
II	7
III	10
IV	13
V	18
VI	20
VII	24
VIII	25
IX	27
X	30
XI	33
Часть вторая. Порох и динамит	36
XII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Стасс Бабицкий

Гремучий студень

Часть первая. Цилиндр и треуголка

I

Москва промокла насквозь. До Сергия-капустника небо лишь хмурилось, а с Покрова начался сущий потоп. Утренняя морось сменялась полуденной грозой, к вечеру налетал ветер с охапкой новых туч и скручивал их над городом, словно прачка, выжимающая белье. Лило, лило по всей земле! Люди дрожали и прятались под крыши, поминая святых угодников или чертову мать, в зависимости от степени набожности. Золотая осень, которую так любили воспевать поэты, в этом году загуляла где-то в европейских пасторальных. Вернулась одиннадцатого октября, смущенная и робкая. Выползла из подворотни, потягиваясь, как большая кошка, зашуршала хвостом из опавших листьев и потерлась рыжим боком о начищенные до блеска сапоги городского Кашкина.

Городовой жмурился на неожиданно-яркое солнце и блаженно улыбался. Первый погожий денёк осени, он же, может статься, и последний. А бабка в деревне сказывала: «Завсегда береги глаза на осеннем пригреве, не то песий сосок вскочит». Кому же охота такую напасть?!

По этой причине Кашкин почти не обратил внимания на высокого господина в черном плаще, прошедшего мимо. Разлепил веки лишь на мгновение – оценил роскошный цилиндр, благородную седину на висках, окладистую бороду и солидный живот, на бламанже да гурьевских кашах наетый. Шагает прохожий в сберкассу на Солянке. Третьего дня объявили сбор пожертвований на новые корабли для российского флота. Людской поток не иссякает, даже в воскресенье приходится работать – дело-то благое, государству полезное. Пусть идет добрый сын Отечества, несет свои денежки...

С подобной же мыслью встретил незнакомца кассир. Рука его сразу потянулась к казенному бланку, а другая поправила очки.

– Взнос изволите? – клерк растянул губы на пару секунд, превращая лицо в деловито-дружелюбную маску. – На какую сумму?

Посетитель снял цилиндр, церемонно поклонился и в свою очередь спросил:

– Могу ли я видеть г-на директора?

Ничего необычного в этом вопросе не было. В связи со сбором средств для флота на превышение лимита вкладов в 300 рублей смотрели сквозь пальцы. Но так как любая подобная операция считалась, – формально, милостивый государь, только фор-маль-но! – нарушением устава ссудно-сберегательной кассы, каждый раз требовалась одобрительная подпись начальника.

– Иван Лукич, вас просят! – крикнул кассир в коридор, не видный из-за конторки.

Затем макнул перо в чернильницу и неторопливо начал заполнять первые строчки бланка: «Принято по согласованию с г-ном Шубиным И. Л...» Почерк у него был каллиграфический, приятный глазу, посетитель невольно засмотрелся и не заметил, как появился упомянутый г-н Шубин.

– Чем могу-с? – не тратя время на расшаркивания, спросил тот.

Господин в цилиндре тоже не стал ходить кругами, распахнул плащ и открыл под ним большую жестяную коробку, висевшую на шее.

– Тут у меня бомба, которая сию же минуту разнесёт это здание и похоронит всех под обломками. Если вы не передадите мне деньги из во-он того несгораемого шкапа!

II

Кашкина разбудили бесцеремонной оплеухой. Он вытянулся во фрунт, начал оправдываться: виноват-де, на минуточку прислонился к деревцу да глаза прикрыл... И мысли не возникло рывкнуть «По какому праву?!» Мало кто отважится ударить человека в форме, если ему это не по чину. Городовой проморгался, оценил мертвенную бледность директора сберкассы и сразу все понял:

– Ограбили?

Шубин ничего не ответил, но кассир, маячивший за его плечом, кивнул. При этом впечатался лбом точнехонько в затылок начальника.

– Чего ты бодаешься... Скотина! – возмутился тот. – Беги в участок, скажи квартальному, чтобы мигом шел сюда со своими людьми... Постой, постой! Чучело... Контору-то запри. Рас-тащат последнее!

Финансист глянул на серые тучи, наползающие с востока и грозящие скорым дождем. Поежился. Но лучше сто раз промокнуть, чем ответ за недостачу держать. Впрочем, обеих неприятностей не избежать, посему будет нелишне проявить рвение. Или хотя бы видимость рвения.

– А мы с тобой, сиволапый, пойдем грабителя догонять. Помчимся быстрее ветра! И так уж десять минут потеряли!

Кашкин застегнул мундир на все пуговицы.

– Чего же прежде не спохватились? Один свисток и я скрутил бы гада.

– Во сне? – огрызнулся Шубин. – Ты лучше не зли меня. Иди, справься у дворника, какой дорогой ушел господин в цилиндре.

Раздражение его происходило от одного факта: стыдно было признаваться в малодушии. Он ведь незнакомцу на слово поверил. Год назад вряд ли бы поежился от такой угрозы. Эх, да что говорить, год назад услышав про бомбу, никто и ухом бы не повел. Но в последнее время столько слухов ходит о проделках треклятых бомбистов. Взрыв там, покушение сям. В Петербурге по весне раскурочили особняк графа Шувалова, а в июле спрятали адскую машину на вокзале – рвануло так, что поезд с рельсов сошел. Тела убиенных прямо на перроне разложили, накрыли дерюгой, а жандармы об них спотыкались... Мудрые люди говорили: «Ну, то столица. До Москвы не доберутся, что им тут куролесить». А в прошлом месяце бунтари бросили бомбу в контору обер-полицмейстера. Пятеро погибших, две дюжины раненых. Тайного советника Чарушина увезли в больницу после ужасной контузии. Если уж такая жуть творится... Как в бомбу-то не поверить?!

Шубин гнал от себя мысль о том, что коробка на шее господина в цилиндре была пустой. Возможно, стоило побороться с грабителем или крикнуть городского. Но Иван Лукич категорически не хотел умирать, тем более – умирать болезненно, разлетаясь на мелкие кусочки. Поэтому выдал по требованию все деньги. И те, что успели собрать на новые корабли, и собственные фонды сберкассы. Самолично упаковал в гербовую бумагу, перевязал бечевкой для надёжности. А потом грабитель велел десять минут не двигаться с места и не шуметь. Кассир порывался звать на помощь, но директор останавливал: «Погоди, а ну-как сообщники „цилиндра“ за дверью ждут. С ножичками». Послушно терпели, поглядывая на часы. Выждали с запа-сом, одиннадцать, чтоб уж наверняка.

Подбежавший городской доложил:

– Дворник видел, в Свиныйинский переулок бандит свернул. Надо торопиться. Иначе дойдет до Хитровки и поминай, как звали!

Поспешили по следам хорошо одетого господина. Кучер, чинивший колесо экипажа, подтвердил:

– Агась. Был такой. Шел медленно, по сторонам не смотрел.

– А пакет в руках нес? – приплясывал от нетерпения финансист. – С гербовым орлом?

– Агась. Был такой. На вид увесистый.

– Куда направился?

– К церкви. Видите, впереди белые стены? Остановился, снял шляпу свою заморскую, перекрестился трижды. И дальше уж свернул в Подколокольный.

– Ей-ей, к Хитровке идет! Пропали денежки! И я пропал... Пропа-а-а-ал! – причитал Шубин.

– Не переживайте, догоним, – утешал Кашкин. – Давайте-ка поднажмем, Иван Лукич!

Городовой бежал, придерживая левой рукой саблю, а правой – фуражку. Следом, пытаясь и отплеываясь, катился пухлый директор сберкассы. Со стороны это выглядело презабавно. Встречные прохожие хихикали, но дорогу уступали, только у входа на Хитров рынок татарчата, играющие в ласи¹, кубарем покатались под ноги. Кашкин споткнулся, но сумел удержаться. Поймал одного из хулиганов за ухо.

– Ишь, шельмец! В кутузку захотел?

Чернявый мальчишка заголосил:

– Пусти, дядь! Больно! Чем я виноват-то?

Продолжая крутить ухо, городовой объяснил, обращаясь через голову постреленка к Шубину:

– Полюбуйтесь, Иван Лукич, какую каверзу эти бестии придумали. Роняют вот так прохожего. Тут же охают, ахают, помогают подняться. Отряхивают пыль с одежды. А заодно воруют деньги, часы, – все, до чего смогут дотянуться. Тем и промышляют.

Кашкин был, в сущности, неплохим полицейским, дело свое знал добре. Вот если бы еще поменьше ленился да не засыпал в карауле, давно бы выслужился в околоточные надзиратели. Он тут же учинил воришке допрос. Татарчонок сознался, что видел бородача в блестящей шляпе.

– Хотел в карман залезть, но ён зыркнул, аж сердце заглодело. Сверток? Да-да, ён на боку сверток нес. Локтём придерживал, никак нельзя было выхватить. Бежал я за ним до Трёх Святителей.

– Больших или Малых?

– Больших, дядь. Пусти ухо-то!

– Значит, говоришь, на Хитровку не завернул? – городовой насупил брови. – А не брешешь, часом?

– Чтоб мне хлеба не жрать! – мальчишка щелкнул ногтем по передним зубам. – Ён по переулку шел, а я следом. Проводил, почти до самого сада, но так момента и не улучил. Еле успел вертануться, а тут вы налетели.

– Ты мне разговорчики-то брось! Кто еще на кого налетел, – подзатыльник Кашкин отвесил крепкий, аж ладонь загудела. – Беги, и чтобы больше со своей ордой не бедокурил!

Шубин хотел дать мальцу монетку за точные сведения, сунул руку в левый карман, потом в правый, залез во внутренний, чуть не по локоть.

– Ограбили, – пролепетал он. – Как есть ограбили! Второй раз за день. Стой, гаденыш!

Но стайка карманников уже прыснула во все стороны, поди догадайся, кто улепetyвает с кошельком.

«Ладно, пусть их!» – думал банкир на ходу, поскольку бежать уже не было сил. – «Снявши голову, о волосах не рыдают. Что там, в карманах было-то, рублей пятнадцать от силы. Бомбист

¹ Московская уличная игра, популярная в те годы. Правила простые: водящий крутится на одной ноге, остальные подбегают и пытаются сорвать с него шапку. Кто сорвал – тот и победил. Но если водящий осалит нападающего другой ногой, тот занимает его место.

же, подлец, унес почти двенадцать тысяч! Причем бумажными деньгами. Золотом и серебром лежало в кассе еще тысяч шесть, но он не позарился. Понятно, чтобы тяжести не таскать – там выходило не меньше полпуда! Сразу видно, с образованием грабитель. Крестьяне и работяги с фабрик, те в ассигнации не верят. Монету подавай, хоть мелкую, а чтоб звенела!»

Он остановился, задохнувшись от быстрой ходьбы и шальной мысли.

«Кстати... Никто пока не знает, что грабитель оставил кучу денег. Может поживиться, за его счет? Прикарманить остаточек?»

Шубин покачал головой и снова пустился в погоню.

«Нет, вздор! Это же с кассиром придется делиться. Иначе выдаст, мелкий гнус! Но если пополам забрать, все равно по три тысячи выйдет на брата. Стоит рискнуть? Заманчиво...»

Он сбился с шага, задышал быстро и судорожно, словно вот-вот свалится замертво.

«Нет, пустое. В сберегательной кассе уже всюю протокол составляют, а значит никак не можно украсть. То есть, можно, конечно, но придется еще на долю квартального отложить, да городовым отсыпать. Не так много в итоге достанется, чтоб на каторгу за это идти. Да и со службы попрут непременно».

Финансист припустил вслед за Кашкиным, который уже сворачивал за угол.

«Хотя, скорее всего и так попрут, деньги ведь собирались на укрепление флота по личному указу императора. Сгорел, сгорел Шубин!»

– Иван Лукич, – отвлек его от мыслей полицейский, – это что же получается? Грабителя я, хоть и мельком, но разглядел. Одежда у него как у посетителей ресторана на Охотном ряду или оперы какой. По походке, по осанке, по всему выходит, что благородных кровей. С чего же на грабеж сподобился? Налетчики-то обычно костюмчик носят неброский, серенький. А этот – в цилиндре, его ж за версту видно! И на кой ляд солидному господину по скользкой дорожке идти?!

– Много ты понимаешь! – огрызнулся Шубин. – Среди солидных господ встречается больше воря, чем промеж босяков на Хитровке. Прибавь шагу, увалень!

Они приближались к Кокоревскому саду. Сто лет назад его разбил на холме какой-то подзабытый князь, чтобы в гордом одиночестве любоваться видом на Кремль. Потом по его завещанию здесь устроили пансион для отпрысков дворянских фамилий. А недавно имение выкупил купец Кокорев, открыл тут гостиницу и пускает в сад всех желающих. «А как сделаешь что-то для людей, тут и конец всему!» – подумал директор сберкасы. – «Уже и лестница на холм обветшала, и каменные ступени трещинами пошли, рассыпаются под ногой. Зато все эти новоявленные социалисты рады радешеньки: всегда было только для дворян, а теперь всякий может зайти и нагадить. Обязательно нагадить, именно потому, что не дворяне, а варвары. Вот сначала садик, потом и вся империя падет под их грубым напором. Ох, беда, беда. Может и вправду взять оставшиеся деньги и сегодня же бежать в Женеву? Пока не поздно...»

– Вот он! Попался! – прокричал городской, опередивший задыхающегося Шубина на семь ступенек.

Когда финансист поднялся на верхнюю площадку, глазам его открылось невероятное зрелище. Возле цветочной клумбы сидел грабитель. Привалился спиной к подножию каменной чаши, цилиндр откатился на пару шагов, но он этого не замечал. Отрешенно смотрел на жестяную коробку, которую держал на коленях. Куда подевался бывший апломб, с которым этот тип вошел в сберкасу? Сейчас он больше всего напоминал человека, сбитого резво скачущей лошастью. Бандит даже не поднял на них глаза, все смотрел на бомбу и шептал себе под нос:

– Обманули... Они меня обманули.

Но самое странное, а для Шубина это оказалось еще и самым страшным, – свертка с деньгами нигде не было.

III

К вечеру снова обрушилась непогода. Дождь в одно мгновение смыл солнце за горизонт, только что высушенные бульвары и подворотни утонули в серой слякоти. А вслед за ними зябко задрожали парки и сады, включая Кокоревский, где дежурили Кашкин и два его сослуживца.

– Вот ты, Мартын, ноешь и ноешь. Зачем, дескать, мы тут кулочим... А нам доверена охрана места про-из-шествия, – героя дневного задержания поначалу хотели представить к награде, но когда узнали, что он проспал момент ограбления и денег потом не нашел... Сослали в ночной караул, и это Кашкин еще легко отделался. – Завтра ждут следователя из Петербурга. Особо важного! По телеграфу в Охранное отделение сообщили про бомбу, а оттуда ответ пришел: стеречь пуще глаза места про-из-шествия и задерживать любого, кто ночью сунется. Для выяснения, значит.

– Так-то оно так, но лучше бы нам дежурить в сберкассе, – Мартын, невысокий юнец с заячьей губой, кутался в черный клеенчатый плащ с капюшоном. – Под крышей. В тепле и сухе.

Третий полицейский, Евсей, краснорожий крепыш из бывших крепостных, курил дрянную махорку, прикрывая самокрутку ладонями от дождя и ветра.

– А что же, непременно нужно ждать шишку из столицы? – покашливая, спросил он. – Нешто сами не справимся?

– Хрен знает, – пожал плечами Кашкин, – может справимся, а может и нет. Но раз в деле замешаны бомбисты, значит оно сразу какое?

– Известно какое. Политическое.

– О! А значит, без особого следователя никак нельзя!

Городовым полагалось патрулировать сад, обходить его по периметру каждые полчаса, а в остальное время контролировать лестницу, смотровую площадку и зону отдыха. Но в этом углу, где сплелись кроны больших деревьев, было тихо и почти не капало. Потому все трое тут и стояли. А выйдешь из укрытия, пиши пропало! Промокнешь насквозь, да еще и за шиворот натечет...

– Ты признавайся, как с бомбой справился! – Евсей толкнул приятеля в плечо, нарочно, чтобы тот охнул.

Историю эту Кашкин пересказывал уже трижды, но с каждым заходом она обрастала новыми, уже совершенно фантазийными деталями, поэтому слушать не надоедало.

– Ну как... Открыл я, значит, жестянку. Надо же посмотреть, вдруг там бомбы никакой и нет. А она есть. На первый взгляд, как холодец из свиных мослов. На самом доньшке склянка тоненькая и к ней две гайки привязаны. Чуть встряхнешь, стекло лопнет и этот студень взорвется. Погибнем все неминуемо! Помощи ждать неоткуда. Грабитель в полной прострации от страха. Директор ограбленный за сердце хватается, блеет что-то про деньги. Взял я жестянку эту и понес тихонечко, шаг за шагом... Смотрю вокруг – бабы, дети. А мне как назло чихнуть захотелось. Свербит, что у девицы на выданье. А как тут чихнешь, ежели от любого сотрясения эта зараза взорвется.

– Ну?

– Вот тебе и ну! Полверсты тащил, в любую минуту жизнью рисковал... – тут городской закатил глаза к небу, хотя в темноте это смотрелось не слишком эффектно.

На самом деле все было не совсем так – бомба по-прежнему висела на шее у грабителя, а Кашкин его лишь конвоировал, чтобы не сбежал. Но если человек врет часто и нагло, то и сам в какой-то момент начинает верить в собственные рассказы.

– Пришел на набережную, вижу – лодок нет, пустая Яуза. Размахнулся и кинул бомбу на середину реки. Она чуток побулькала и взорвалась под водой. Такая волна поднялась, меня на берегу с головой накрыло. Насквозь промок, хотите – пощупайте.

– Ливень же, – затянулся самокруткой Евсей. – Все мокрые.
– Не скажите. Меня промочило до исподнего!
– Может ты от страха исподнее-то промочил, – хохотнул Мартын. – А нам щупать предлагаешь...

Помолчали. Кашкин насупился, вроде как от обиды, но остальные понимали, что это только поза и вот-вот последует продолжение. Оно и последовало.

– Коробка-то два пуда весила, – заговорил городской, потирая шею. – И ещё толстенная цепь на ней. Пока дотащил, плечо себе вывихнул.

– Два? Ты же всего час назад говорил, что пуд, – срезал болтуна Евсей.

– А хоть бы и пуд, – не смутился тот. – Все одно тяжелая.

– Как же ее грабитель на шее таскал и вообще не сутулился?

– Ты еще определись, куда бомбу кинул, – уточнил Мартын. – То говорил, в Москву-реку, а теперь, выходит, в Язу?

– А эта... Мы до Устьинского моста дошли. Там же стрелка, две реки сливаются. Обшибся в прошлый раз, братцы.

– Просто враль ты, стыда не ведающий, – без всякого осуждения приговорил Евсей, затягивая новую самокрутку. – А мне знакомец сказывал давеча, что пока ты тащил бомбу, на набережную успели прискакать два сапера из артиллерийского батальона. За ними послали, как только кассир тревогу поднял. Аль нет?

– Подумаешь, саперы...

– Они-то бомбу открыли. Со всеми осторожностями, чтоб не рванула. А ты отбежал подальше, рухнул на колени, рыдал, молился.

– Молился. А чего же плохого-то в молитве?

– Перетрухнул ты неслабо, выходит, а взрывчатка оказалась фальшивой.

– Как? – ахнул Мартын.

– Так, – хитро прищурился Евсей. – Наш герой не случайно холодец поминал. Им коробку и наполнили, издали похоже на гремучий студень, но армейские понюхали и сразу уяснили, что это не бомба вовсе, а шутиха. Опасности никакой! Поэтому ни в сберкассе, ни в саду, ни в реке ничего бы не чебурахнуло.

– Проведал, значит... Зачем же меня три раза пересказывать просил? – засопел Кашкин.

– Уж больно красиво бреешь. Заслушался невольно.

– Погодите, я не понял, – юнец с заячьей губой нервно сглотнул. – Ежели это розыгрыш, зачем же следователь едет из Петербурга?

– Небось не успели предупредить. Он сорвался в Москву, а как доберется, тут и огорошат: зря торопились, ваш-бродь! То-то разозлится столичный чин. Заорет: «Подать сюда Кашкина, тудыть-растудыть! Сто плетей ему за ложную тревогу! А лучше все двести, чтоб и другим в назидание!»

– Братцы, да как же ж... Я же своими глазами... А вдруг сперва там как раз бомба была, но я помолился и Господь милосердный превратил взрывчатку в холодец?! Он умеет! Он воду в вино превращал, что ему стоило нас спасти. Вокруг ведь бабы, дети...

– Хорош заливать! – набычился Мартын.

– Ты это дождю скажи! А то мокнем тут, как три сосны на Муромской дороге.

– Погодите-ка, – насторожился Евсей, отбрасывая окурок. – На лестнице... Крадется кто-то.

Мартын испуганно оглянулся.

– Тьфу ты, черт! – он сбросил капюшон и прислушался. – Вроде тихо. Небось, шавка бродячая забежала, а как нас услышала – прижухла.

– Может шавка, – Евсей всматривался в темноту. – А может и черт.

- Так пойдй, проверь.
- Цыц! Раскомандовался он тут. Молод еще, сам и сбегай.
- Юнец с заячьей губой шагнул под проливной дождь и тут же вернулся обратно.
- А может, вместе, а? – умоляюще протянул он.
- Боязно одному? – хмыкнул Кашкин. – То-то! На словах все смелые... Ладно, пойдемте вместе. Гуртом и черта бить легче. Да и по уставу положено!

IV

В это же время, примерно в пяти верстах от промокшего сада, на Пречистенке, из закрытого экипажа вышли два господина в нелепых шляпах. Пробежались, перепрыгивая лужи, чтобы поскорее оказаться под навесом. Здесь выяснилось, что тот, который носил покосившийся цилиндр, – это финансист Шубин. Второй же, одетый в шинель почтмейстера, сбивал дождевые капли с архаичной черной треуголки, украшенной желтым пером.

– И вот представьте, Иван Лукич, – продолжил он разговор, начатый в карете, – поспорили мы с полковником Ковничем, кто на охоте больше фазанов настреляет. Я предъявляю трех, а у него семь, такая вот пропорция... Проиграл, и сорок дней вынужден носить на голове это старье. Неудобно, прохожие на улицах хихикают, дети кричат «прусак»! А самое неприятное, набирается в шляпу дождевая вода. Поклонись, при встрече, миленькой девице и тут ей водопад в лицо.

Директор сберкассы не прислушивался к этим словам, погруженный в мрачные мысли. Надежды спастись от сурового наказания уже практически не осталось, поэтому шёл он задумчивый и растерянный, как агнец на заклание. Его спутник толкнул дверь третьего номера.

– Входите, не заперто.

Жилец, несмотря на поздний час, бодрствовал. Сидел у стола, что-то быстро писал. Увидев, как заколебались от сквозняка огоньки свечей, поднял голову.

– Митя, я сразу понял, что это ты, – радушно протянул хозяин, вставая навстречу гостям. – Никто иной без стука не приходит.

– Лишний раз стучать – соседей будить. А ты опять чью-нибудь чистую душу в пепел обращаешь? – почтмейстер указал на исписанные листы. – Сжигаешь на костре критики, словно Великий Инквизитор?

– Нет, не то. Это письмо издателю, который сомневается, стоит ли издавать свежий роман monsieur Верна, французского сочинителя. Конечно же, я эту идею горячо поддерживаю. Вот послушай, – он схватил лист бумаги и стал читать с середины, – «писатель умеет не только подать в сюжете загадку, которую так важно иметь в хорошем романе, к тому же он насыщает книги подробными сведениями из области географии, зоологии, химии и истории. Поистине, от одной книги „Таинственный остров“ современным гимназистам выйдет больше пользы, чем от всех реформ графа Толстого²!»

– Напрасно ты про графа вставил, да еще так язвительно. Этак тебя мигом в вольнодумцы запишут, – предупредил Митя, и тут же вспомнил о цели визита. – Ох, голова дырявая! Мы же к тебе не просто заехали. Позволь рекомендовать тебе г-на Шубина, Ивана Лукича. Директора сберегательной кассы. Мы вместе в Сандунах паримся. И вот он приезжает на ночь глядя, кричит: «Беда, кошмар, срочно сведи меня со знаменитым сыщиком Мармеладовым!»

– Давно ли я успел знаменитым стать? – поморщился критик. – Подумаешь, помог разобраться с Пиковым тузом, а уже и сыщик!

– Благодарю газетчиков. После статей в «Ведомостях», да в прочих листках для чтения, вся Москва гудит. В какой трактир не зайти, до сих пор судачат про то, как ты одной рукой скрутил душегуба из Нескучного сада, а другой рукой прихлопнул богатеньких развратников из общества Двойной розы. Спроси любого, скажут: проницательнее Мармеладова человека нет!

² Это не тот граф Толстой, о котором все сейчас подумали. Дмитрий Андреевич Толстой, министр народного просвещения Российской империи с 1866 по 1880 годы.

Финансист, робко топтавшийся в дверях и делавший лужу натеками с плаща, будто ждал именно этих слов. Выскочил на центр комнаты, озираясь как загнанный заяц. Бросился на колени.

– Ба-а-атюшка-а! Христом-богом заклина-а-аю, – заголосил Шубин. – Я человек не шибко богатый, но к завтрашнему дню... По знакомым соберу... Триста рублей дам! Умоляю, отыщите украденное. Иначе в Сибирь. В Сиби-и-ирь...

Силы покинули его и, распластавшись на полу, дважды ограбленный чиновник потерял сознание.

– Давай перенесем твоего знакомца на диван, – Мармеладова вышел из-за стола, не выказав удивления. – Ух, тяжелый какой. Ростом не велик, а пудов пять весит, минимум... Чего это с ним?

– Его имя давно уже на заметке у полиции. Шубин начинал конторщиком в рязанском банке, у Стрыкова.

– Это который Стрыков? – переспросил сыщик. – Не тот ли, что обещал удвоить вклад любого человека всего за год?

– Он самый, – кивнул Митя. – И ведь удвоил, а многим утроил капиталы. Первые два года щедрейший процент выплачивал. Оттого и слух о чудо-вкладах разлетелся по всей Империи. Без газетной хвалы и рекламных плакатов. На третий год в его закрома хлынули миллионы рублей, в том числе и казенных денег. Всем захотелось несметных богатств. Тут-то Стрыков набил мешки ассигнациями и сбежал в Швейцарию, а подручных своих оставил на растерзание толпе и закону.

– Стало быть, Шубин под раздачу попал?

– Нет, ему повезло. За месяц до грандиозного обмана Шубин получил расчет и уехал в Москву. Устроился в сберегательную кассу. Но когда золотой пузырь лопнул, ему досталось за прежние связи. На допросы таскали, свидетелем в суде выступал. И вроде бы помогал следствию, а все одно репутацию загубил. Клеймо по гроб жизни... Это нам с тобой знакомо.

— Да уж... Но выслужился же твой Шубин до директора.

– Семь лет честного труда. Завел семью и привычку к некоторой роскоши. Не высшего сорта, но на баню, водку и лососину вполне хватало. И тут новая пропажа денег. Не мильёны, но тоже немало. Сразу вызвали пред строгие очи, припомнили былое: «А, вы же тот самый, стрыковский?!» Вот и начались припадочки от нервов.

Мармеладов распахнул дверь и гаркнул в коридор:

– Серафима! Неси воды в плошке, да поскорее!

Растрепанная баба, в полинявшей хламиде, наброшенной поверх ночной рубашки, появилась на пороге с недовольным фырканьем.

– Ишь, язвец! Сызнова писателя до обморока довел? Говорила я тебе, мягче надо с людьми-то, трепетнее надо. А ты, как обычно.

Ворчание оборвалось по двум причинам. Служанка увидела Шубина, с первого взгляда оценила его костюм и поняла, что русские писатели столько зарабатывать не могут, тут высокий чин брякнулся без сознания, а значит, дело серьёзное. Кроме того, она разглядела Митю, стоявшего у окна – широкоплечего усача с пламенеющими глазами. Покраснела от смущения за свой затрапезный вид, грохнула на стол миску с водой и выбежала из комнаты.

Через пять минут вернулась в темно-синем сарафане, с заплетенной наспех косой. Эта перемена мало что изменила: как ни старайся, а не спрячешь вытянутое книзу, будто оплывшее, лицо или фигуру, напоминающую каплю – узкие плечи и, напротив, слишком широкие бедра. Серафима не считала себя красавицей, но зато знала короткий путь к сердцу любого мужчины, поэтому держала в руках поднос.

– Не желаете ли чаю, господа хорошие? – щебетала она. – Бараночки, еще теплые, мягонькие, но при этом хрустят отрадно. Варенье из гонобобеля³, а туточки сахар колотый.

– Спасибо, Симуня, ты просто ангел! – Мармеладов укладывал смоченный носовой платок на лоб финансиста. – Надо почаще приглашать в гости Митю, иначе не видать мне сахара. Он мужчина казистый, отставной гусар и, скажу тебе по секрету, имел успех у придворных дам! Да, представь себе, недавно добился благосклонности одной из фрейлин...

Почтмейстер при этих словах выпрямился, втянул живот, а Серафима побледнела и опустила голову.

– Бурный роман закончился плачевно. Прекрасная Катерина дала ему отставку и сразу после Покрова обвенчалась с юным дворянином из Герцеговины. Известно ведь, что женская ласка да морская затишь равно ненадежны...

Теперь уже Митя помрачнел и отвернулся, а служанка засияла, как начищенный самовар.

– Но все это дребедень. Обморочный приходит в себя и дальнейший разговор будет крайне далек от амура и прочих глупостей. Ступай, душа моя. Ступай!

– Ежели захотите еще чего, только кликните, – обращалась она ко всем присутствующим, но взгляд ее завяз в завитых митиных усах. – Я рядышком.

На этот раз поставила поднос очень аккуратно и выплыла за дверь, кружась, словно в хороводе.

– Доволен? – буркнул почтмейстер. – С утра такое чудесное настроение у меня было. Нет же, расшевелил рану сердечную.

– Это, чтоб быстрее заживала, – Мармеладов схватил кусок сахара и громко захрустел. – Однако нам пора перейти к загадочному делу г-на Шубина!

Стонущего финансиста усадили поудобнее, отпоили горячим чаем, после чего он пересказал историю, свидетелями которой читатели стали чуть ранее. Добавил известную лишь ему деталь: казенная карета за собранными пожертвованиями должна была прибыть в понедельник, то есть время рассчитано идеально. На день раньше грабитель взял бы вполовину меньше денег, на день позже в кассе уже ничего бы не осталось.

– Все говорят – бомбист, бомбист, – вздохнул Иван Лукич. – А он этой жестяной коробки боялся до одури. Как повесили на шею, так и ходил, словно бык с колокольчиком. Извозчика не взял, пешком шел, потому что от малейшего сотрясения...

Тут он выкрикнул:

– Буу-уммммм!

Митя вздрогнул, пролил чай на пол и принялся ругаться на все лады. Из невнятных обрывков, которые тонули среди проклятий, сложилась более или менее понятная фраза:

– Откуда же у него бомба взялась?

Директор сберкассы изложил историю, записанную в полицейский протокол со слов господина в цилиндре. Будто бы рано утром того же дня в его квартиру на Покровском бульваре ворвались три дюжих молодца. Описание дал подробное: лысый амбал в красной рубахе, худощавый брюнет, годами еще мальчишка, и третий – одноглазый. Все с револьверами! Достали из мешка бомбу и силком надели бедолаге на шею. Дали четкие инструкции: ограбишь такой-то банк, принесешь деньги туда-то. Тогда снимем с тебя жестянку. А пойдет что не так...

– Буу-уммммм!

– Прекращайте это представление, Иван Лукич! – возмутился почтмейстер. – Право слово, излишняя демонстрация. Вы рассказывайте, как на деле вышло.

А вышло премерзко.

В Кокоревском саду, – где и было условлено, у центральной клумбы, – ожидал господина в цилиндре один из бандитов. Тот, который с повязкой на глазу, как у пирата. Вырвал он свер-

³ Голубика (устар.)

ток с деньгами и убежал, не говоря ни слова, запрыгнул на ходу в извозничью коляску. В каком направлении поехал «пират» подневольный бомбист не заметил, он просто сел и стал ждать, что произойдет...

Шубин уже набрал в грудь воздуха, чтобы в третий раз проорать «Буу-уммммм!», очевидно, это его как-то успокаивало. Но бдительный Митя кашлянул в кулак, пресекая безобразия.

– Бомбу мы решили сбросить в реку, от греха подальше. Кто-то сказал, что читал в газетах подобную рекомендацию. В этом случае взрыв будет не таким мощным. Обойдется без жертв и разрушений. Пошли к Язуе...

– Кто читал? – уточнил сыщик.

– Ох, я не помню. Но точно не городской, этот, поди, и читать-то не умеет. А я газеты не люблю, изредка финансовые отчеты просматриваю.

– Выходит, идею подсказал сам бомбист-невольник, – подытожил Мармеладов. – А почему же он еще до ограбления не сбросил бомбу с первого же моста? Мог освободиться, не пришлось бы грабить сберегательную кассу!

Шубин мелко закивал, соглашаясь:

– Верите ли, я о том же подумал. Вопрос ему задал в полицейском участке, а он ответил: «Боялся, что следом крадутся те самые молодчики с револьверами». Это состояние мне как раз очень понятно, сам в нем пребывал. Поначалу казалось, что грабитель у нас в конторе был дерзок и говорил довольно презрительно. А потом уж понял – это от страха. Он даже цилиндр свой обронил в саду, а потом и не вспомнил ни разу. Я же, наоборот, надел его на голову, думал – улика, не в руках же носить. А после напрочь забыл. Вспомнил, когда уже к вам в карете подъезжали.

Шубин поставил шляпу на стол, поверх бумаг. Спыхватился, что она тоже мокрая, письмам от этого пользы не будет, – сдернул со стола, перевернув при этом блюдце с вареньем. Застыл в нелепом положении, густо заливаясь краской.

– Простите, неловкость вышла.

– Вздор, вздор, – отмахнулся Мармеладов, не замечая густых капель, падающих с края стола. – Стало быть, грабитель так и не вспомнил про цилиндр ни разу?

– Ни единого!

– Занятный факт. Не хочу торопиться с выводами, но смотрите, какая странность, – он взял из рук директора помятый головной убор и водрузил на голову. – Мы носим шляпу и не думаем о ней. Но руки непрерывно трогают ее, поправляют на ветру, приподнимают при встрече с друзьями и всячески привыкают к этому.

Сыщик исполнил несколько жестов, прекрасно знакомых каждому. Действительно, согласился Митя, фуражку или эту жуткую треуголку он поправляет сто раз на дню, не задумываясь.

– Представим далее: руки привыкли трогать шляпу, но ее на голове нет. При очередном привычном жесте человек обнаружит пропажу – пальцы утыкаются в пустоту. Не может быть по-другому. Обычно так мы понимаем, что забыли где-то шарф, потеряли очки или, вот, шляпу.

– Верно! – выкрикнул Шубин таким тоном, словно кричал «браво» в театре. Он воодушевился той легкостью, с которой сыщик делает умозаключения. – Отличный фокус! А что вы можете угадать про владельца этого цилиндра?

– Неужели вы и вправду думаете, что я фокусник?!

Впрочем, сыщик взялся за эксперимент с интересом. Погладил широкие поля и тулью, поднес к свету, чтобы заглянуть внутрь. Через две минуты сказал:

– Тот, кто заказал эту шляпу, любит привлекать к себе внимание – заметьте, на полтора вершка выше, чем обычный фасон. Очевидно, по роду занятий, он публичный человек. Не

из дворян – те обязательно повязывают яркую ленту, а здесь черная. Не из купеческих кругов – вещь дорогая, хорошего шелка и с блеском, а купцы все жмутся карманом. Кто остается? Писатели и артисты. Писатели нынешние либо играют в социалистов и носят мятые картузы, либо сидят в имениях затворниками, с утра до вечера марая бумагу... За модой им никак не поспеть. Стало быть, хозяин этой вещицы – актер. Смею утверждать, что это Михаил Ардалионович Столетов из Малого императорского театра...

– Да! – восхитился Шубин. – Но как такое можно угадать?

– Вы же сами описали грабителя: высокий лоб, длинные шевелюры с проседью, борода. Из всех известных мне актеров только этот обладает полным набором... К тому же внутри, – вот тут, видите? – ярлычок вышитый: «собственность М. А. Столетова».

– Ах, mystificateur⁴, – рассмеялся Митя. – Уж разыграл, так разыграл!

– Но ограбил кассу артист, да-да, – воскликнул Шубин. – Это его разыграли – жестоко и бесчеловечно. Бандиты навесили жестянку, в которой не было взрывчатки. Обманку! А человек чуть не умер от страха. Когда полиция обнаружила, что бомба фальшивая, Столетова отпустили, взяв обещание не покидать город. Все-таки уважаемый человек, а не преступник. Такая же несчастная жертва, как и я.

– Давно? – встрепнулся Мармеладов.

– Что? Не понимаю вашего вопроса...

– Отпустили из-под стражи? Давно?

– Часа три назад. Он обещался сразу домой ехать.

Сыщик схватил своё пальто, переброшенное через спинку кресла.

– Вы адрес запомнили, Иван Лукич? Надо ехать к нему, немедленно. Митя, подскажи, где нам лучше извозчика в такую погоду отыскать.

– На Воздвиженке, у Шереметьева двора. Там всегда стоят. А к чему такая спешка? – недоумевал почтмейстер по поводу столь внезапной перемены в поведении приятеля.

Тот безуспешно ловил за свою спиной правый рукав пальто.

– Потому что жизнь артиста в опасности. Бандиты придумали идеальный способ, как получить деньги, не подвергаясь риску. Кроме Столетова никто их не видел и опознать не сможет. Им выгодно убить посредника и замести этот след раз и навсегда. Слушая ваш рассказ, я решил, что они потому и не стали обезвреживать бомбу, оставив актёра на верную смерть в Кокоревском саду. Но если они надели ему на шею обычную коробку, шутиху... Стало быть, заранее решили, что наведаются позднее и заставят его умолкнуть навсегда!

Мармеладов вытолкал ошолобленного финансиста за порог. Митя нахлобучил треуголку и поспешил вслед за ними.

⁴ Обманщик (франц.)

V

Дождь к этому времени заменила мелкая колючая крупа, которая сыпалась с неба с одной лишь целью – досаждать редким прохожим да проезжим. Всем, кто отважился выйти в промозглые улицы. Воздух стал холоднее и к тому моменту, как подъехали на Покровский бульвар, митина шинель покрылась изморозью.

Коляска остановилась у доходного дома Чердынцевых.

– Приехали, нужный адрес, – отрывисто пролаял возница из бороды, побелевшей от инея.

Почтмейстер отсчитал три монеты, добавил одну сверху.

– Далеко не уезжай, – он наклонился к кучеру и зашептал самым заговорщицким тоном. – На углу постой, вдруг придется за квартальным ехать. А за хлопоты получишь еще.

Извозчик, одуревший сразу и от невиданного доверия господина с золотыми пуговицами, и от обещания щедрой мзды, начал заикаться.

– Н-н-нешто ж мы не п-п-понимаем! Все с-с-сделаем в лучшем виде.

Но Митя уже не слушал, бежал к воротам, закрытым наглухо, – оно и понятно, время к полуночи. Мармеладов и озябший до синевы директор сберкассы колотили по чугунной решетке, убеждая заспанного привратника отпереть и впустить. Тот отбивался строгим «не велено!» Он вскочил с постели, натянул кое-как галоши на босу ногу, набросил тулуп – торопился, думал случилось что. А тут какие-то сомнительные персонажи к артисту Столетову, видите ли. Стучат, ругаются. Надо бы припугнуть полицейским свистком, подумалось ему.

Но тут из ледяного дождя выступила внушительная фигура в треуголке. Сторож мигом загремел ключами, ведь в бытность его мальчонкой, господа в таких же вот франтоватых шляпах, не моргнув глазом, могли отдать приказ: запороть строптивца вожжами. Насмерть. И никто бы с них за это не спросил. Вроде бы времена поменялись, вольная давно выдана. Закон един для всех писан. А все же боязно.

– Входите, ваше-ство! Простите великодушно, не признал-с!

Внутренний двор был устроен по типу «колодца», войти в него можно лишь с одной стороны, через те самые кованые ворота, и далее через три крыльца жильцы расходились по квартирам.

– Куда здесь к Столетову? – строго спросил Митя, принимая роль строгую и начальственную.

– Вот-с, туда, – ткнул в левую дверь дрожащий палец. – Михайла Ардальоныч там один проживает, во втором этаже. Остальные квартиранты съехали-с.

Почтмейстер решительным шагом направился к крыльцу, но был остановлен робким покашливанием.

– Не извольте гневаться, ваше-ство, но вы до г-на артиста вряд ли достигнете.

– Почему? – окоченевший финансист, притопывал на месте, чтобы хоть как-то согреться. Но услышав ответ, натурально остоленел.

– Он уж час, как мертвый.

– Мертвый? – взревел Митя. – Так чего ты, вошь собачья, околоточного не позвал?!

Привратник, озадаченный его реакцией, ненадолго опешил, а потом замахал руками.

– Что вы, что вы... Не в том смысле мертвый, это не приведи Господи! – тут он перекрестился. – Михайла Ардальоныч каждый вечер напивается до мертвецкого состояния. Возвращается из театров, уже тепленький. После, в квартире, добавляет и в открытое окно роли разыгрывает. Громко так, с чувством. Нынче окон не отворял, по причине холодов, но и так все слышали-с. А как еще добавит, так и падает навзничь. Храп стоит до утра, да вот хоть сами послушайте.

Из неплотно закрытого окна второго этажа и вправду раздавалось равномерное похрепывание.

– Так глубоко спит, что добудиться невозможно. Вы приезжайте к полудню, ваше-ство. Г-н артист как раз в сознание придет-с.

На душе у Мити потеплело от этой забавной коллизии. Но если Мармеладов прав, то жизни артиста по-прежнему угрожает банда опасных молодчиков, во главе с «пиратом».

– Что же, приедем, непременно приедем. Вот что... Как говоришь, тебя зовут? Харитон? Вот что, проследи, чтоб никто чужой до того времени к Столетову не шастал, особенно подозрительные типы с повязкой на глазу.

– А то давеча упустил троих, и вон как аукнулось! – вклинился Шубин.

Сторож, оробевший от митиной треуголки, на финансиста реагировал иначе.

– Это кого же я упустил? – встал он в позу, оперев руки в бока. Тулуп при этом распахнулся, оголив заштопанные портки и желтушную, хотя и крепкую грудь.

Иван Лукич отступил на полшага.

– Столетов сам сказывал... Для протокола... Трое ворвались к нему, набедокурили, а после вывели под белые руки...

Харитон запахнул тулуп, все-таки зябко для широких жестов.

– Наговариваете, барин! А вот, что я скажу, хоть для протокола, хоть перед Богом, – он опять осенил себя крестным знаменiem. – Давеча весь день, безотлучно, лестницу починая! Две ступеньки заменил, перилы правые. Никто к г-ну артисту не заходил, и тем более, не врывался, – да разве ж я бы такую подлость позволил? Только посыльный из лавки принес пару бутылок вина, а больше никаких посетителей. Истинный крест!

В третий раз перекрестился, отменяя всякие наветы. Честный слуга, никакого безобразия не допускающий.

– Но как же... – бормотал Шубин. – Протокол же...

Митя тоже запутался в открывшихся фактах, поэтому оглянулся к Мармеладову, тот ведь мастер объяснять. Но сыщика не оказалось рядом. Воспользовавшись моментом, он незаметно ускользнул и осмотрел лестницу, ведущую во второй этаж. Теперь вернулся на крыльцо и с живейшим интересом слушал отповедь Харитона.

– А у вас какое мнение? – спросил Шубин, хватаясь за это мнение, как утопающий за соломинку.

– Врет он, – откликнулся Мармеладов.

– Копоть печная! – почтмейстер замахнулся на привратника.

Сыщик одним прыжком оказался подле них и перехватил руку приятеля.

– Ох, Митя, до чего же горяч, даже в холодную осень! Не дослушал, не разобрался... Столетов врёт. Не было у него никаких бандитов. Мне двух спичек хватило, чтоб ступеньки осмотреть. Лестница пыльная, давно не метенная, следы видно четко. У артиста сапожищи большие, подкованные. У юнца из лавки – нога узкая, подметки дырявые. Столетов поднимался шатко, мотало его из стороны в сторону. Посыльный шел ровно, у самой стены. А больше там никто не проходил. Трое здоровых лбов натоптали бы, что твои слоны. Так что выдумал артист эту историю.

– Зачем? – взмолился финансист. – Зачем ему это нужно? И где же украденные деньги?!

– Это мы спросим у него лично, когда проспится, – Мармеладов протянул привратнику серебряный рубль, за беспокойство. – Зови, Митя, извозчика. Разъедемся по домам, греться.

VI

С утра шел снег. Мягкие белые хлопья облепили треуголку, придавая ей еще более нелепый вид, – словно достойный почтмейстер водрузил на голову плюшевого медведя, из прорех которого торчит вата. Митя уже многократно зарекся спорить с Ковничем, да хоть бы и с кем другим, на потешный заклад. Отныне – только на деньги. Проигрыш больно бьет по карману, но это легче перенести, чем такое вот унижение.

– Может лучше вовсе не спорить? – спросил Мармеладов, угадавший мысли приятеля.

– Чем же тогда жить? – воскликнул Митя. – Сам посуди, жизнь у меня спокойная, служба – скука смертная. Азарту нет. Летом на ипподроме скачки, я всегда ставлю против фаворита. Ты представить не можешь, какое это чувство... На последнем повороте конь вырывается вперед, наездник уже привстал в стремях, салютует публике... И тут слева, на рысях, твоя темная лошадка. Набирает темп, обходит чемпиона на полкорпуса, на корпус. Стрелой несется вперед. Мужчины орут, дамы визжат и ты, вместе со всеми, захваченный азартом, кричишь: «Давай, давай, родная! Дава-а-ай!»

Он и вправду закричал на весь бульвар, тут же смутился и добавил тише:

– Вот этого хочется. С судьбой играть, смеяться в лицо опасности. А сейчас ипподром закрыт до весны, хочется азарта и приключений, которые взбодрят кровь.

– Рискну предположить, – усмехнулся сыщик, – что на ипподроме люди молятся искреннее, чем в церкви.

– Все напропалую молятся! – подтвердил Митя. – Николе Угоднику, архангелу Гавриилу, потом еще нашему гусарскому святому, а также Фролу и Лавру – покровителям лошадей. И, конечно, святой Варваре.

– Любопытно. А ей-то почему?

– Так она же от молнии уберегает. А на скачках каждый второй кричит жокеям: «Разрази тебя гром!»

Приятель брели пешком, поскольку Мармеладов захотел узнать, сколько времени ушло у актера Столетова на вчерашнюю прогулку с бомбой. Выходило так: от дома до сберегательной кассы – около двадцати пяти минут, после до Кокоревского сада еще полчаса, оттуда до набережной Яузы примерно столько же.

– Если учитывать время, пока Шубин с помощником перекладывали деньги из несгораемого шкапа в гербовый пакет, да сидение актера возле клумбы, то получается больше двух с половиной часов.

– С похмелья такая прогулка излишне утомительна. Да ещё с тяжелой жестянкой на шее, – вздохнул Митя. – Мне всю ночь не давала покоя эта история. Раз Столетов все выдумал про бандитов, может он сам соорудил фальшивую бомбу? А страх и рыдания искусно разыграл. Он же артист, ремесло у него такое.

– Это невозможно, – улыбнулся сыщик. – Мы с Михаилом Ардалионовичем знакомы шапочно, близко не разговаривали. Но готов спорить, коль уж ты жить не можешь без азартного заклада, что руки у актера дрожат от постоянных возлияний. Тут галстух повязать – целый подвиг, не то, что бомбу смастерить.

– Так она же не настоящая, а значит и не опасная.

– Но выглядела, как настоящая. И капсуль с ртутью, судя по словам Шубина, был подлинный. А это хрупкая штука. Стекло тонюсенькое, одно неосторожное движение – лопнет. Трезвый человек без сноровки и то не сумеет склянку в студне правильно утопить, а Столетов тем более.

– Кто же ее соорудил?

– Известно кто – вольнодумцы. С легкой руки г-на N и его предшественников из охранки, слово это давно уже стало ругательным. Здесь явно замешаны заговорщики, – Мармеладов помолчал, раздумывая. – Иначе просто не складывается. Вот возьмем пример: если бы ты, Митя, захотел бомбу сделать...

– С чего бы я захотел? – насутился почтмейстер. – Но если и допустить такое, все равно не сумел бы. Из чего ее собирать?

– Разумеется! Тут нужны знания, химические вещества, а главное – опыт. Даже на горных штольнях, где часто взрывчатку использую, случается гибнут люди. А бомбисты, те постоянно на своих же снарядах и подрываются, мне в редакции «Ведомостей» по секрету сообщили. Писать-то про это нельзя, цензура бдит...

Он остановился, шурясь на пригоршни снега, которые ветер швырял в лицо.

– Заметь! Ещё одна ложь Столетова. Артист предложил зашвырнуть бомбу в реку, чтобы взрывом никого не убило. Сказал, что в газете этот совет читал, но подобные статьи запрещено печатать! Месяц назад взорвали контору обер-полицейстера, а газеты молчат. В подпольном «Боевом листке» напишут, положим, еще в листовке народовольческой. Но откуда светский лев мог об этом узнать?

– Действительно, откуда? Я вот прежде и названия такого не слыхал – «Боевой листок».

– Столетов якшается с бомбистом. Тот передал ему жестяную коробку, не предупредив, что это игрушка. Артист боялся ее, шибко боялся, в таком беспокойном состоянии был, что цилиндр любимый забыл в саду. К тому же сетовал, что его обманули, – стало быть, прежде доверял преступнику и жестоко ошибся. Но при этом на допросе старался выгородить сообщника. Соврал про трех бандитов, – наверняка соврал и приметы выдумал! Хотел отвести подозрение от кого-то, направил полицию по ложному следу. Что выходит из этих рассуждений?

Мармеладов посмотрел на Митю своими темными глазами, в которых забрезжила догадка.

– Бомбист – близкий ему человек. Любовница отпадает, по слухам они у Столетова все солидного возраста, графини либо баронессы. Остается родственник.

– Брат, – предположил почтмейстер.

– Или сын. Но чего мы гадаем, скоро сами все у артиста и спросим. Пришли, вон и Шубин выплясывает под окнами.

Ограбленный финансист и вправду не мог стоять на одном месте, – до того нервничал, что и глаз левый начал закатываться. Иван Лукич бросился навстречу. Вцепился в рукав митиной шинели и, как волжский бурлак, тянущий бечевой огромную баржу, повел его к крыльцу.

– Идемте, идемте же скорее!

Квартира артиста Малого императорского театра Столетова обставлена была весьма колоритно. На стенах афиши бенефисов, среди которых выделяется аршинное полотно с выведенным красной краской названием «Эмилия Гал...» Далее прочесть невозможно, сверху надпись перекрывают «Лес» и «Гроза». На подоконнике горделиво выглядывают из-за подвинутой бархатной шторы пять хрустальных графинов с нарисованными золотыми птичками. Митя толкнул сыщика локтем и тихонько присвистнул: знаменитые «журавли» из ресторана «Славянский базар», в них подается лучший коньяк тем гостям, кто завтракает аж до трех часов дня. Стоит каждый «журавлик» по пятидесяти рублей. На столе и бюро теснятся пустые и початые бутылки рангом поскромнее. Одну из них Столетов потряс, взбалтывая содержимое, сделал изрядный глоток и обратился к вошедшим:

– С чем пожаловали?

Он явно привык жить на широкую ногу. Халат носил парчовый, хотя и давно не стираный. В этом золотом роскошестве артист возлежал на широкой кровати у окна. Выслушав посетителей, взболтал бутылку и приложился к горлышку, в этот раз – надолго. Потом заговорил:

– Грабеж... Бомба... Что вы такое лопочете? – помятое лицо Михаила Ардалионовича выражало беспросветную скуку, но голос был прекрасного тона, такой непременно должен покорять сердца зрителей, особенно дам. – Вчера мне нездоровилось, потому из дома не выходил. Ни днем, понимаешь, ни вечером.

– Да как же? А протокол?

Мутные глаза Столетова на миг сфокусировались на лице финансиста, но потом он брезгливо поморщился.

– Нет, все равно не понимаю, что вы городите. Какой еще протокол?

– Вы же при мне, сударь, давали объяснение квартальному надзирателю, – Шубин побледнел и схватился за сердце.

– Бог с вами, господа. Шутить надо мною вздумали? – набычился Столетов. – Говорю же вам, я вчера из дома не выходил! До самого спектакля.

– Ах, видали вы такое? Скажите, да есть ли предел людской подлости, – закипал финансист, еще больше бледнея. – Денег казенных украл на двенадцать тысяч... И брешет!

Актер сел, спустив с кровати голые ноги, отхлебнул еще вина.

– Я понял. Обычно бывает, что мне изменяет разум, если выпью лишку. Теперь вижу, что и вы в опойной горячке теряете разум, потому и выдумываете подобные нелепицы.

– Но деньги! Где же деньги?

– Деньги? – ощерился Столетов. – Двенадцать тысяч, так вы сказали?

– Да, да! Где они?

– Послушайте... Да если вы всю мою квартиру перевернете, тут и трех рублей не наберется!

Иван Лукич сделался страшен лицом. Непонятно было: то ли бросится на артиста, то ли свалится в припадке. Митя на всякий случай подступил к нему ближе, придержал за локоть. Хотел успокоить, но это возымело обратный эффект. Чувствуя поддержку почтмейстера, Шубин решился дать выход своей ярости. Он вцепился в отвороты парчового халата и закричал:

– Верни деньги, сволочуга! Верни-и-и-и!!!

Столетов сперва опешил от такой наглости, но потом ответил геновно:

– Да ты кто такой? Ты червяк. Захочу – помилую, захочу – р-р-раздавлю!

Положил свою широкую ладонь на вспотевший лоб Шубина и оттолкнул. Тот впечатался бы затылком в стену с афишами, но Митя успел его подхватить и удерживал в крепких объятиях, пока упрямый финансист пытался вырваться, пыхтя и ругаясь на все лады.

– Скажите, любезный Михаил Ардалионович, – почтмейстер решил свести разговор в иную плоскость, а заодно успокоить и артиста, поэтому добавил в голос елея, – какой спектакль вчера играли в Малом? Я, знаете ли, давно не бывал в театрах, хотя прежде захаживал...

Столетов отмахнулся от него жестом, каким обычно прогоняют назойливую муху.

– Вам-то что за интерес?

– Неужто забыли?

– Что за оскорбительные намеки?! – возмутился артист. – Я, пока еще, в своем уме. Чего не скажешь о вас. Пришли непростыми, поклепы наводите... Я прекрасно помню, что вчера давали «Эмильку». Не люблю эту пьесу, мне там играть нечего. Знай, глаза выкатывай да ори погромче. Да и смотреть, как Машеньку щупают другие – никакой радости. Другой разговор – испанцы. Я в «Овечьем источнике» одну красотку за бочок ущипну, другую на колени посажу. А Ермолову, помнится, прижал, аж душа вон. Командору все дозволено!

Он захохотал, но в смехе этом не было веселья, одна злость. Артист упивался собственной значимостью.

Мармеладов, до того скрывавшийся в затененном углу, вышел на свет.

– Г-н Столетов, обычно вы выбираете роли серьезные, трагические. Но, видимо, пришло время сменить амплуа.

– С чего бы это?!

– Вы же перед нами комедию разыгрываете. Убедительно, – сыщик нарочито медленно похлопал в ладоши, изображая театральные аплодисменты. – Я даже готов поверить вам на слово. Вот только... Мы с приятелем поспорили, кем вам приходится тот бомбист, что замыслил это ограбление. Братом? Или сыном?

Столетов закашлялся, поперхнувшись вином. Вскочил на кровати, попирая ногами подушки и возвышаясь над сыщиком на две головы. Лицо актера налилось кровью, чуть не до черноты, а жилы на лбу взбугрились – вот-вот лопнут.

– Брат-бомбист? Вы, похоже, хотите втянуть меня в какой-то прескверный водевиль! Не выйдет! – голос его заполнил комнату, выплеснулся в приоткрытое окно, раскатился далеко по двору, где другие жильцы и привратник Харитон внимали этому монологу. – Не выйдет, господа! У меня связи при дворе! Я самого Потемкина-Таврического на ассамблее в Зимнем дворце играл! А вы хотите произвол учинить? Дудки! Вон отсюда, вероломные людишки! Па-а-адите про-о-очь!!!

Он задохнулся и замер, словно в ожидании аплодисментов. А когда досадные посетители скрылись за дверью, привычным жестом взболтал бутылку и, допив остатки, отшвырнул ее в угол.

VII

По лестнице Митя шел первым, взвешивая про себя, врет актер или не врет. На первый взгляд возмущение выглядело сокрушительно-настоящим. С другой стороны, все в империи, а также и во многих заграницах, знают: Столетов – талантище. Что ему возмущение разыграть? Запутанная история...

В отличие от тихого и задумчивого почтмейстера, Шубин спускался с причитаниями. Разобрать, что он бормочет, не представлялось возможным, хотя и без того понятно – Иван Лукич пенял на судьбу. Ограбленному директору представлялось, что он сходит с ума. А может, все привиделось в кошмарном сне? Он вот-вот проснется, пойдет в контору, выдаст деньги курьеру и тот на казенной карете...

Шлеп! Тяжелый шмат снега накрыл его с головой. Это происшествие возникло из-за Харитона – привратник чистил двор от выпавшего безобразия и кидал за крыльцо, подальше от людей. Но рука соскользнула, и снежная плюха прилетела в лицо финансиста. Тот, отплевываясь, завопил:

– Каторжная морда! Что творишь?.. – и тут же осекся, поднял испуганные глаза на Мармеладова. Сыщик ведь тоже отбывал срок в сибирских острогах. Обидеться может.

Но тот, как будто не заметил. Подошел к слуге, будничным тоном задал вопрос:

– Артист вчера из дома выходил?

Привратник испуганно оглянулся на окна второго этажа.

– Голову мне снимет, коли узнает, что проговорился. В четвертом часу прибыла карета от г-жи Д... Михайла Ардальоныч на ней уехали-с. Вернулся поздно вечером, уже после спектакля. Еще держался на ногах. Извозчик его до квартиры довел...

– Невозможно! – Шубин только что волосы на голове не рвал от отчаяния. – В половине пятого мы прибыли на допрос, в участок. И до восьми были там. Или я действительно схожу с ума и ничего подобного в реальности не случилось?

– Есть как минимум две улики, которые помогут убедиться, что вы в своем уме. Первая – вот эта шляпа, – Мармеладов поднял цилиндр, сбитый снегом с головы директора сберкасс. – В суете вы забыли вернуть головной убор хозяйину, хотя и намеревались это сделать.

– Точно, цилиндр! – воскликнул Митя. – Вернемся? Пусть попробует это объяснить.

– Этот ловкач сходу придумает несколько правдоподобных объяснений: не вернули из чистки, подарил слуге забавы ради, проиграл пари. Столетов солгал уже не раз, потому слова его нам без надобности. Улики ценнее. А вторая улика – это протокол. Тот, кто дает показания, должен их подписать. Стало быть, нам надо просто сравнить подписи!

– Но где мы возьмем автограф артиста? – жалобно спросил Шубин.

Сыщик вынул из кармана клочок бумаги, величиной с ладонь.

– Пока Столетов бесновался, испепеляя вас взглядом и отбиваясь от г-на Шубина, я незаметно оторвал кусок афиши с его подписью. Там их несколько в ряд было. Уж не знаю, зачем – то ли актер руку расписывал, то ли из самолюбования их везде рисует... Предлагаю отправиться в участок и проверить, совпадают ли эти закорючки с теми, что в протоколе.

Приятель вышел со двора, Иван Лукич понуро плелся за ними. Потом догнал, остановил и сбивчиво зашептал, ломая руки:

– А если там никакого протокола нет? Вдруг, и правда, наваждение?

VIII

Протокол был. На пяти листах, скрепленный подписями – все честь по чести. Иван Лукич и Митя спорили, один считал, что документ подписывал актер, но спьяну и потому пальцы дрожали, другой же уверял, что некто пытался подделать автограф Столетова, да не слишком удачно вышло.

Мармеладов же смотрел по сторонам. В душном помещении толпились несколько дурно одетых посетителей, все расходились к двум столам, за которыми полицейские чины занимались рутинными делами. Им выделили относительно свободный угол, куда падал свет из зарешеченного окошка. Стульев не было, приходилось стоять, учитывая низкие потолки, чуть сутуля плечи.

Все верно, так и должно быть организовано в полицейском участке – чтобы каждый входящий сюда, прямо с порога почувствовал себя неудобно. И чем дольше пребывал, тем выше степень неудобства становилась. Любая встреча с законом и его представителями в этих конторах, по замыслу неизвестного гения, должна вызывать не страх и ужас, эти-то ощущения как раз быстро притупляются, им на смену приходит равнодушие, – нет, и не отвратительно-липкую тошноту, как на рыбном рынке в жаркий день, все-таки здесь государева служба. Не то. В подобных местах на посетителя должна сразу накатывать паническая безнадега, лишая его сил и эмоций, чтобы не смел впредь сюда соваться с пустячными своими проблемами. Само устройство этого мирка служит прекрасной профилактикой мелких нарушений законности: вот так захочет кто кошелек украсть или соседку поленом прибить, трижды подумает и может, откажется от злодейского замысла, лишь бы не таскали в участок на разбирательство.

Прежде полицейская братия представлялась Мармеладову сворой оскаленных псов, а сейчас в его сознании возник образ крысиной стаи, – эти тоже могут загрызть до смерти, но процесс сей будет гораздо противнее.

– Что с тобой? – отвлек от размышлений почтмейстер.

– Вспомнилось, как я с повинной приходил. Десять лет прошло, а в обстановке подобных мест ничего не меняется. Такое впечатление, что дверь откроется и войдет поручик Порох...

– Полковник Порох, – раздался насмешливый голос за его спиной. – Кое-что, знаете ли, меняется, Родион Родионович!

– Романович.

– Да-да, я помню.

Усы, стоящие в разные стороны, тронула седина, а мелкие черты лица покрылись сетью морщин. Но первостепенная перемена состояла в том, что из помощника квартального надзирателя Илья Петрович выслужился до следователя по особо важным делам Охранного отделения. Именно его прислали из Петербурга для разбирательства в истории с фальшивой бомбой.

– Вы знакомы? – удивленно спросил канцелярист, подавший им протокол.

– Знакомы, но приязни меж нами мало, – сухо сказал Мармеладов. – Я нарочно в столицу не поехал, чтобы лишний раз с вами не встретиться. И надо же, какая сатира!

– Признаться, я тоже предпочел бы держаться в некотором расстоянии, – холодно парировал Илья Петрович. – Вот, едва с поезда, а настроение уже испорчено.

Они не сверлили друг друга взглядами, как это делали бы заклятые враги. Да и вряд ли можно назвать их противниками. Но в прошлом случилось между ними нечто неприятное для обоих, а теперь, в момент встречи, вышло наружу. В комнате явственно возникло напряжение, сродни тому, что ощущаешь в воздухе перед грозой.

– Супруга моя читает ваши критики, восхищается едкостью замечаний. Как это вы недавно выразили... «Поэт сей ошибочно мнит себя новым Пушкиным, скорее бы уж кто возомнил себя новым Дантесом». Все в восторге! А я угадываю в этом призыв к смертоубийству.

Выпирает это желание тайное, как бы вы ни пытались скрывать. Я, в отличие от г-на N, в исправление убийц не верю. На том и распрощаемся, г-н бывший студент. С этого момента запрещаю вам к данному расследованию касательство иметь.

– Экий вы, Илья Петрович, спокойный стали. Прежде чуть что наружу вспыхивали, не зря же Порохом прозываетесь. Теперь же все клочкотание происходит где-то внутри, будто там гремучий студень, который без специальной колбы со ртутным порошком не взрывается. Неве-
роятное самообладание! Позволите ли, в связи с этой переменной, величать вас Динамитом?

– Я па-а-апрашу! – вскипел было полковник, но тут же понял: Мармеладов этого и добивается. Отвернулся и зашагал прочь, бросив на ходу канцеляристу:

– Ты бумаги-то у них заberi и гони взащей.

Через пять минут вернулся в каморку, растревоженный мыслью: откуда бывшему каторжнику известно устройство бомбы? Но критика уж и след простыл.

– Студенты... Бывшие, нынешние, клятые, мятые. Нахватаются образований, а потом от большого ума страдают. И ладно бы только себе вред какой учиняли, так нет, через них другие горяшка хлебнут, – проговорил Илья Петрович ни к кому конкретно не обращаясь. – Была бы моя воля, все университеты бы запретил. Вольнодумство это оттого, что набили в голову кучу мыслей, а работать не хотят. Служить не хотят. Дело исполнять – кукиш, а языком поболтать, нате-пожалуйте. Тьфу!

IX

В трактире подавали вареники на любой вкус: с картошкой и грибами, с жареной требухой, с творогом и с брусникой. Митя, отведавший по под-дюжины каждого вида, пребывал в блаженном состоянии и рассуждал о насущном.

– Тут ведь как? Почтальоны мои уверены, что в холодную погоду надо непременно выпить – для сугреву. Это они балбесы, конечно. Надо больше есть, причем жирное да горячее, одеваться теплее – и никакой мороз не страшен. А пьяный почтальон адреса перепутает, письма не туда отнесет...

Шубин вяло облизывал ложку, думая о чем-то печальном, а скорее, даже не думая, – просто упиваясь жалостью к себе.

– Презабавный случай был, – продолжал почтмейстер. – В минувшем феврале, помните, морозы трещали такие, аж птицы на лету падали замертво? Один мой бродильщик зашел в кабак, выпить водки. Смотрит, там знакомый дворник – за той же надобностью, значит. Согреться. Почтальон и говорит: «Ты же, мил-человек, у Голицына служишь?» – «Служу-с!» – «А снесешь письмо Екатерине Федоровне?» – «Отчего же не снести...»

Мармеладов тоже пребывал в задумчивости, но по другому поводу. Нельзя сказать, что его не трогали страдания ограбленного директора, но загадка с актером Столетовым занимала сыщика гораздо сильнее. Митю он почти не слушал, но того не смущало отсутствие внимания со стороны приятеля:

– А теперь смотрите-ка, в чем коллизия. Напутал почтарь. Дворник служил не в усадьбе княжеской, а в доходном доме, который по старой привычке тоже голицынским прозывается. И там тоже, – забавное совпадение, – проживала Екатерина Федоровна, из мещан. Дамочка ушлая, хозяйка веселого дома в Марьиной Роще. Прочитала она письмо, понимая французский язык через слово, но уяснила достаточно: некий амапт припоминает княгине их мимолетную любовную связь, которую надеется продолжить по приезду в Москву. Другая бы похихикала сама или с подругами, и забыла. Но эта отправилась напрямик в дом Голицыных, к той самой Екатерине Федоровне...

Назревающая пикантность истории привлекла не только Шубина, который по этому случаю вынырнул из пучины тоски, – извозчики за соседним столом притихли, вслушиваясь в каждое митино слово. Довольный рассказчик подкрутил ус и возвысил голос.

– Запросила тысячу рублей, а не то, говорит, снесу письмо вашему супругу. Княгиня в слезы – нет таких денег. Потом сняла подвеску сапфировую: «это, говорит, подарок другого любовника, он три тысячи стоит, но мое честное имя еще дороже». И тут же письмо в камине сожгла.

Восхищенные слушатели зашептались. Обсуждали коварство женщин, но это в меньшей степени. Куда серьезнее впечатляли сумасшедшие деньги, которые глупые дворяне готовы платить за драгоценности или, уж тем более, за какое-то честное имя. Но все сходились в мысли, что жилище доходного дома сказочно повезло.

– Я эту историю знаю, – объяснил почтмейстер, – из самых первых уст. Княгиня в тот же день приезжала в почтовую контору со скандалом. Ругалась, как сапожник, потом плакала долго. Так по словечку из нее и вытянул... Почтальон, без всякого сомнения, свинья. Но если посмотреть с другой стороны: ходит он по двенадцать часов в день, при любой погоде – дождь или снег, кого волнует? – а получает за это копейки. За десять жизней не заработает те три тысячи, которые княгиня отдала, чтоб стыд свой прикрыть...

– Вы, Дмитрий Федорович, социалист! – прыснул в кулак Шубин. – Мир хижинам, война дворцам, так что ли понимать?

– Придумаете тоже, Иван Лукич! Я вам тут байку рассказываю, чтобы повеселить, а вы на политику переводите... Нету в том никакого социализма. Почтальону я врезал по морде, потому что адресата перепутал, но выгонять со службы не стал – хотя и свинья, но детей у него трое, кто кормить будет?! А княгине дал совет впредь для любовной переписки использовать лишь надежных посыльных, чтобы больше конфузов не случилось. А то находятся клеветники, фельетоны пишут про утерянные по дороге бандерольки и прочую напраслину на почту российскую возводят...

Мармеладов, до того сидевший в задумчивости, громко хлопнул ладонью по столу. Половой метнулся на привычный зов, но его отослали прочь.

– Вот оно! – горячо зашептал сыщик, и почтмейстер в очередной раз убедился, что его друга расследование загадок наполняет азартом, как самого Митю скачки на ипподроме. – Посыльный!

Шубин вскрикнул от неожиданности, но потом, обретая робкую надежду и опасаясь ее спугнуть, переспросил:

– Посыльный?

– Да! Не помните? Привратник Харитон упоминал юношу из лавки, который носит вино актеру. А если он к тому же записки любовницам Столетова передает, свидания назначает? Должен быть доверительный человек, это ты правильно говоришь. Актер через него может и с бомбистами связь иметь.

Митя при последних словах расправил плечи и выпятил грудь, хоть орден вешай, но в глазах его посверкивало беспокойство.

– А разве этот твой... Порох... Разве не запретил нам это дело расследовать? Еще и трех часов не прошло, а ты уже нарушаешь...

– Порох из Охранного отделения, потому для него важнее бомбистов взять, живыми или мертвыми. Не исключаю, что Илья Петрович прикажет их всех перестрелять в момент задержания, а после доложит в Петербурге, что угроза устранена. Деньги из сберкассы он искать не станет, так что помочь г-ну Шубину можем только мы.

Не успел он договорить, как распахнулась входная дверь и на пороге появился городской Кашкин. Громко шмыгая носом, – дождливая ночь давала о себе знать, – повертел головой и бросился к столику.

– Г-н Мармеладов! Слава Богу, а то битый час вас ищу. На квартире справился, служанка сказала, что вы, вероятно, обедаете в трактире. А их в округе тьма, пока все объедешь... Велено доставить. Срочно! Поедьте, у меня коляска.

– Мы с тобой, – заявил Митя.

– Не велено! Илья Петрович строго наказал, чтобы только г-н Мармеладов.

– Все одно поеду следом, – почтмейстер с решительным видом надевал шинель. – Эй, народ, у кого кони порезвее, чтоб от полицейских не отстать?

Сразу несколько извозчиков, закончивших трапезу, встали из-за столов. Тот, что ближе всех, подмигнул:

– За веселую байку, что ты поведал, барин, мы расстараемся. Так повезем, что еще раньше казенных прискачем!

Кашкин почесал затылок под фуражкой и сдался.

– Только вы уж поспешайте, дело срочное...

– А что стряслось-то? – вопрос этот задал Мармеладов, хотя вертелся он на языке у всех присутствующих.

Городовой затянул было привычное «не велено», но увидев жадный интерес публики, сдался.

– Полковник приказал доставить на допрос артиста Столетова. Приехали забирать, а он мертвый!

Шубин, не желая оставаться в стороне от разговора, решил козырнуть осведомленностью:

– Это хмельные шиши. Михаил Ардалионович каждый вечер напивается до полного бесчувствия. Не беда, к утру проспится.

– Не то, – перебил полицейский. – На этот раз совсем мертвый. Бомба у него в квартире взорвалась. Всамделишная!

Х

Кучер только-только закричал лошадам «Стой, стой, тпру!», а Митя уже выпрыгнул из коляски. На секунду позже соскочил и Мармеладов. Городовой же не спешил, помогая выйти из экипажа г-ну Шубину, которого это приключение состарило раньше времени годков на десять. А куда спешить? Порох все едино осерчает, что долго вез. Пусть сперва прокричится на господ, пар выпустит.

То, что полковник не в духе, стало понятно издавдала. Еще проходя с бульвара во двор, через решетчатые ворота, услышали они фирменное «Что?», по обыкновению растянутое в «Шта-а-а?» Распекал Илья Петрович сразу всех: ленивых полицейских, суетливого привратника, досужих соседей, – каждому досталось, никого не забыл.

– А, вот и вы! – в гневе прокричал он, увидев вновь прибывших и тут же переключился на официальный тон. – Харитон, эти люди приходили к г-ну Столетову незадолго до взрыва?

– Точно так-с! – слуга испуганно моргал и шурился.

Порох сделал пару шагов в направлении Мармеладова, но передумал и махнул рукой:

– Этого под арест. Будет сопротивляться – вяжите. Остальных выдворить с места происшествия!

Городовых во дворе собралось много, они были вооружены саблями, а кое-кто и револьверами, но Митя все равно кинулся на защиту приятеля. Безуспешно, правда, только пуговицы с шинели оборвали. Вытолкали его со двора вместе с безобидным Шубиным, заперли ворота на замок. Зачерпнув горстью снег и приложив к шишке на лбу, почтмейстер кричал с улицы: «До канцлера дойду, если надо, то и до самого императора, а произвола не допущу!» не осознавая, что почти дословно повторяет выступление артиста Столетова. Зеваки сбивались в кучу на некотором отдалении от «бешеного барина».

Арестованный был на редкость спокоен, стоял между двух карауливших его крепких лбов и осматривал окна квартиры актера. Вернее сказать то, что от них осталось. Взрыв бомбы разорвал стену здания с такой легкостью, словно это была бумажная афиша. Трещины пошли вправо и вниз, а в соседних квартирах разбились стекла. Хорошо, что другие жильцы из этого крыла выехали, жертв могло быть и больше: взрыв пробил потолок и нанес повреждения квартире сверху, а может статься, и нижней. Обломки кровати и лоскуты бархатной шторы разлетелись по двору, как конфетти из хлопушки. Больше всего было жаль, почему-то золотых журавлей на кувшинах, все они разбились вдребезги, сыщику на секунду померещилось, что он слышит их жалобное курлы-курлы...

– Замечались, г-н бывший студент? О новом порядке, смею предположить? – Порох всеми своими морщинами выражал презрение. – Понимаю-с. Идея стать сверхчеловеком вас не оставила и вы связались с теми, кто помогает ее реализовать. С бомбистами. Но чем же вам артист не угодил?

Мармеладов изобразил ответную гримасу и произнес не менее насмешливым голосом:

– Вот так, с ходу, могу предложить одну версию. Например, мы с Митей и финансистом Шубиным решили симитировать ограбление, наняли актера для участия, а потом не поделили деньги... Скажем, г-н Столетов потребовал увеличить гонорар, иначе грозил сдать полиции сообщников со всеми потрохами. Оно, конечно, могли бы и заплатить, да слишком жадным я оказался. Вот и взорвал бедолагу, чтобы не проболтался.

Порох опешил.

– Это шта-а-а... Вы с повинной опять?

Сыщик рассмеялся, звонко и ребячливо. Но видя, как разливается злоба в глазах следователя, примирительно поднял руки.

– Полноте, Илья Петрович! Вы и сами не верите в мою причастность к взрыву или в тесные связи с метателями бомб. Иначе послали бы за мной не Кашкина, а жандармов, и велели бы им сразу заковать меня в кандалы да свезти в холодную... Давайте начистоту: вы приехали в Москву с одной лишь целью – арестовать сына артиста Столетова.

Отвисшая челюсть долго не позволяла полковнику сказать что-то внятное. Овладев собой, он все же сумел выдавить:

– Как... Откуда вам известно?

Довольный произведенным впечатлением, Мармеладов повторил следователю свои недавние выводы, добавив пару новых умозаключений:

– Меня озадачило ваше участие в этом деле, многослойном, как капустный кочан. Пришлось отбрасывать лист за листом. Ограбление сберегательной кассы – не ваш уровень. Да, сумма украдена приличная, но с поимкой преступника справились бы и здешние топтуны. Тайная полиция, бесспорно, заинтересовалась бы бомбой, упомянутой в донесении, но в Москву могли отправить и обыкновенного следователя. И вдруг приезжаете вы, особо важный полковник, причем спешно, на самом быстром поезде. Жертвуя комфортом, здоровым сном, а также тревожа супругу поспешным отбытием...

– Но-но, полегче, сударь, – снова вспыхнул Порох.

– Тут-то мы и подходим к самой кочерыжке. Что привлекло в этом ограблении вас? Фамилия Столетова. Вы читали доклады секретных агентов и знаете, что актер связан с заговорщиками. Причем не какими-то рядовыми бузотерами, а чрезвычайно опасной группой. Вот это – ваш уровень, и поэтому вы спешно приехали. Но через какую оказию один из столпов русского театра, любимец муз и прекрасных дам, может сблизиться с бомбистами? Только через близкое родство. Митя предположил, что это брат, – у него, знаете ли, у самого брата, поэтому такое восприятие. Мне же нравится версия про блудного сына, которого папенька любит и привлекает, несмотря на темные стороны души...

Следователь молчал, долго и раздумчиво, словно вел некий внутренний спор с самим собой.

– Вот что, Родион Романович, дело это, как вы справедливо определили – чрезвычайное. Никакой мелочи упустить я права не имею. Поэтому готов довериться, но прежде ответьте, откуда вам известно устройство динамитовой бомбы?

Мармеладов выдержал тяжелый, пытливый взгляд полковника, глаза отводить не стал и мускулами не дрогнул.

– А вы всегда были цепким дознавателем, может быть, излишне подозрительным, но цепким. Отреагировали на мою шуточку. А все объясняется просто, в августе сего года я переводил статью шведского ученого Альфреда Нобеля для «Горного журнала». Заказал мне этот перевод известный петербургский инженер г-н Износков, можете справиться. Речь шла о применении динамитного желатина для разработки полезных руд. Для уточнения непонятных терминов, я состоял в переписке с братом Нобеля, Людвигом Эммануиловичем – тем самым, что производит артиллерийские снаряды для нашей армии, на Выборгской стороне. Вот он прояснил меня некоторыми тонкостями... Илья Петрович, а может, окончим уже этот балаган? – он протянул руки, перевязанные толстой бечевой. – И продолжим беседу где-нибудь в тепле. Право же, зябко на улице.

Действительно, к вечеру стало заметно холоднее, возможно, поэтому и голос следователя не оттаял.

– Вот что, Родион Романович... Я по-прежнему не верю в ваше полное и окончательное исправление. Более того, по моему личному мнению, вы виноваты в этой кутерьме, – он обвел рукой разрушения, которые не могли скрыть надвигающиеся сумерки. – Ваша прежняя идейка, помните? Про то, что ради высокой цели некоторые люди имеют право пролить кровь...

– Помню. Но эта теория давно уж канула в Лету.

– Не скажите-с. Идейка-то помаленьку овладевает умами. Ту вашу неосторожную заметку цитируют народовольцы. Развивают ее до такого, представьте, ужаса, что ради блага всего народа бомбисты вправе пролить не просто кровь, а кровь самого государя... Идейка ваша – как обоюдоострый клинок без эфеса – где ни хватайся, а все руку обрежешь. Однако...

Порох вздохнул и посмотрел на городских, которые все это время стояли по сторонам от Мармеладова, вытянув наполовину сабли из ножен. Их лица выражали неутолимое желание послужить Отечеству, но подсказать умную мысль эти остопопы вряд ли сумеют.

– Однако порой наступает момент, когда другого оружия нет, и для защиты империи приходится пускать в ход все средства. Да развяжите его уже! – прикрикнул он на полицейских. – Вот что, Родион Романович, как ни тяжело это признавать, но ваши умозаключения, нестандартные и на удивление точные. Окажите помощь в расследовании, а я поделюсь с вами сведениями о сыне, – тут вы угадали, – актера Столетова и его боевой ячейке.

XI

Сын актера Столетова родился 29 февраля 1856 года от незаконной связи с крестьянкой Анфисой Бойчук. Восходящей звезде императорского театра вовсе не нужна была обуза в виде семьи, потому ребенок изначально получил статус «курвёнок», еще от повитухи. Отец дал ему имя Фрол и обещание помогать деньгами при случае. Слово свое держал три года, а после уехал на гастроли в Европу, где завел сразу двух любовниц из числа знатных дворянок почтенных лет. По возвращении в Москву стал частым гостем в высшем свете, а прошлого своего начал сторониться.

Ребенок рос, как сорная трава, не нужный никому. Мать вскоре спилась и превратилась в старуху с вечно заплаканными глазами. Другие родственники его ненавидели, часто и крепко били. Чуть подрос, отдали «в люди». Там тоже поколачивали, – и сапожник, и бондарь, и мельник – последний однажды так осерчал, что затолкал руку подмастерья под жернов. Пальцы раздробило в кисель. В отчаянии Фрол сбежал к родному отцу. Стоял у ярко освещенного театрального подъезда, даже не надеясь на теплый прием. Но встречен он был с распростертыми объятиями: к тому времени актер обнаружил в себе огромное сердце и пустоту в нем оттого, что любить-то некого. Михаил Ардалионович заполнил сердечную бездну ребенком – накормил, приодел, дал прекрасное образование. Пустота частично вернулась, когда сын связался с бомбистами, бросил университет, не окончив и первого курса. На сей раз, актер стал заливать ее вином. Он по-прежнему любил Фрола, снабжал деньгами, и время от времени давал убежище. Хотя понимал, что долго этой веревочке не виться, а скрутится она в петлю, которая его же непременно и удавит.

– Не вздумайте поддаться внезапному состраданию к бедному дитятке, – полковник погрозил пальцем Мармеладову и Мите, сидящим на кровати привратника Харитона, сколоченной из досок разной длины и толщины. – Вы, может статься, уже готовы зарыдать? Ах, жизнь нещадно колотила, среда заела – оттого и бунтует мальчишка, оттого и на убийства отважился. Пожалеть, что ли, его надобно? Пр-р-риласкать?!

– А как же чувство гуманности? – перебил сыщик. – Давеча вы не раз говорили: «Я могу быть и официальным лицом, и при должности, но гражданина и человека я всегда ощутить в себе обязан!» Куда же все это подевалось, Илья Петрович?

– Взрывами разметало, Родион Романович!

Беседовали они в маленькой каморке под лестницей, утопленной ниже уровня улицы, так, что в окно видны были лишь ноги прохожих да сапоги городских. Илья Петрович встал на цыпочки, приоткрыл окошко, сгреб жменьку рыхлого снега и начал мять в кулаке.

– Вот, глядите. Таков из себя Фрол Бойчук. Был он рыхлым и мокрым от слез. Но его давили со всех сторон, плющили между ладоней, и в итоге он стал крепче льда. Холодный комок ненависти и жестокости. Этакий уже не оттает, напротив, попытаешься его согреть – себе же руки и отморозишь. Нет, на Бойчука и ему подобных не действуют добрые слова, равно как угрозы, увещевания или философия... С ними должно поступать вот так.

Он размахнулся и швырнул снежок в кирпичную стену.

– И никак иначе!

– А не слишком ли вы суровы? – спросил Митя.

– В самый раз! – Порох постучал папироской о ладонь, закурил от спички и выпустил дым в пол. – Бойчук сколотил ячейку, настолько кровожадную, что стали побаиваться свои же соратники. Дважды пытались сдать его нашим агентам. Но хитрый лис ускользал, словно чувствовал ловушки и засады. Даже с покалеченной рукой он наловчился мастерить бомбы. Миниатюрные, всего-то с коробку от папирос, но при этом по разрушительному воздействию они страшнее полупудового снаряда! В прошлом году в Петербурге устроил дерзкий налет на

канцелярию губернатора, в результате погибли девять человек. В этом году, в марте, восьмого числа – взрыв в жандармском отделении, убиты штаб-офицер, его адъютант, три вахмистра и семь рядовых. В Москве Бойчук готовил покушение на великого князя. Правда затея не выгорела, бомбиста успели подстрелить. Но в толпе зевак погибли четверо, раненных не считали. А взрыв на Волхонке в сентябре, неужто не помните? Мало ему – родного отца убил, да как жестоко! Остались от артиста только ноги, а все, что выше пояса, разнесло взрывом. И ошметков не нашли...

– Правду сказывают, кто на Касьяна родился, тот с адом породнился, – пробормотал Митя.

– И что же, Бойчук и вправду такой неуловимый? – перебил его сыщик.

Полковник кивнул и заговорил, не выпуская папиросу изо рта.

– Пытались внедрить в банду трех лучших агентов. Без толку! Он их как семечку расщелкивает, а кожуру выплевывает. Вот, надеялись через отца к нему подобраться, привратника этого зачислили в стукачи с солидным жалованьем, надо отметить, по пяти рублей в месяц. Но то ли бомбисты так Харитона запугали, что он молчит, то ли и вправду в последнее время сын к Столетову не заглядывал. Но как же они связь поддерживали?

– Через доверенное лицо, – Мармеладов повторил свои подозрения насчет посыльного из лавки.

Порох внимательно выслушал, потом крикнул за дверь – мигом прибежал городской Кашкин.

– Ты вот что, бери Харитона. Пробежите по всем окрестным лавкам, где вином торгуют. Везде смотрите обслугу, если опознает в ком того самого посыльного, что доставлял г-ну Столетову бутылки – немедленно сюда. Постой! Возьми-ка с собой еще двоих, да покрепче. Смотри, не упusti!

Потирая руки, он повернулся к сыщику.

– За эту ниточку мы весь клубок разматываем. Если, конечно, вы не ошиблись.

– Нет, Илья Петрович, я все больше убеждаюсь в том, что посыльный имеет связь с подпольной ячейкой Бойчука. Ведь он принес актеру бомбу.

– Неужто ты догадался, как убили Столетова? – ахнул Митя, успевая задать следующий вопрос прежде следователя тайной полиции.

– Это не догадка, я доподлинно знаю, – Мармеладов встал и прошелся по комнатёнке привратника – три шага от стены до стены, и назад. – Ой, да не напрягайтесь, ваше высочордие! Оставьте подозрительность, мы с вами по одну сторону закона стоим. К бомбистам я не имею никакого отношения. Просто логическим путем отбросил все невозможные варианты. Актер не мог привезти бомбу от г-жи Д, у которой ужинал вчера вечером, или из театра. Он вернулся в непотребном состоянии и с трудом вскарабкался по лестнице. Не донес бы бомбу, взорвался раньше. Сегодня принимал только нас троих, но мы бомбу также не приносили. Значит, доставил ее посыльный, которого вчера днем приметил Харитон.

– Но ведь тот принес лишь две бутылки вина! – с жаром возразил Порох.

– Правильно! В одной из них и была бомба. Вам, полковник, сложно догадаться, но ты, Митя... Ты же видел, как пьет актер?

Почтмейстер нахмурился, вызывая в памяти картинку из недавнего визита.

– Пьет, как все. Берет бутылку, встряхивает ее и прямо из горлышка... Мы так в эскадроне пили, бывало.

А вот следователь сразу понял, все-таки в цепкости ему не откажешь, прищурился и переспросил:

– Встряхивает?

– Встряхивает! – сыщик не скрывал своего азарта. – Жест этот уже произвольный, выработанный годами. А потому каждый, кто знал Столетова лично, мог его заприметить.

Пожелай любой знакомец убить артиста, он залил бы в бутылку гремучий студень, а в самую середину воткнул бы тонкую стеклянную трубку со ртутью, запаянную с двух концов. Пока пробку не откупоришь, такой бомбой хоть жонглировать можно, а открыл, встряхнул бутылку – трубка внутри ломается и...

Тут Мармеладов не удержался от озорства и спародировал ограбленного финансиста.

– Буу-уммммм!

– Хитро-о-о, – протянул следователь. – Но, выходит, актера хотели убить еще в день ограбления? Это просто повезло, что он на весь вечер уехал, а поутру начал пить с другой бутылки.

– Расчет на то и был: артисту никто не успеет задать вопросов. Свидетель умолкнет навсегда.

– А бомбисты спокойно потратят денежки на организацию новых покушений, – подытожил Порох. – Складно выходит. Но знаете, хотя служу я давно, разного навидался, вон уж циником стал, а все одно не укладывается в голове... Чтоб сын на родного отца руку поднял!

– Всякое бывает, – вздохнул Митя. – На то и жизнь.

Часть вторая. Порох и динамит

ХII

Полковник Порох велел писарю сделать копии со всех бумаг по делу об ограблении сберегательной кассы и вечером городской Кашкин доставил их на Пречистенку. Сыщик в пятый раз перечитывал протокол допроса актера Столетова. Искал среди кривобоких строчек новый след, какую-нибудь зацепку, ранее не замеченную, чтобы расследование сдвинулось с мертвой точки.

Раздался стук в дверь – настойчивый, торопливый, но при этом легкий, почти нежный.

– Входите, Лукерья Дмитриевна! Не заперто, – откликнулся Мармеладов.

Журналистка стремительно ворвалась в комнату, бросила шубку на подоконник и осталась в коверкотовом костюме – строгий пиджачок, длинная юбка.

– Как вы узнали, что это я?

– Вы напоминаете туго натянутую тетиву лука, с которой в это мгновение сорвалась стрела. Тетива дрожит, предчувствуя, что оперенное древко непременно попадет в цель, и при этом издает необычный вибрирующий звук, словно струна из гуслей Садко. Все это я различил в вашей манере стучаться и угадал, кто стоит на пороге.

– И что вы за человек, Родион Романович? Вечно вывернете вот эдак и не поймешь сразу: то ли комплимент сказали, то ли оскорбление. Слишком много яду в ваших словах, – Лукерья уселась на оттоманку, не дожидаясь приглашения. – А хваленая наблюдательность происходит из того, что вы любите насмехаться над людьми. Ведь чтоб уязвить кого побольнее, нужно подмечать малейшие изъяны в лице, осанке, манерах... И бить насмешкой по самому болезненному месту. Скажете, не так?

– Отчасти. Но внимание к деталям – не от язвительности. Просто это весьма облегчает любой разговор. Не надо задавать лишних вопросов, чтобы узнать всю подноготную собеседника. А еще это уберегает от многих неприятностей – и кошельки не украдут, и жизнь не отнимут.

– Все равно вы для меня лишь злой насмешник. И к тому же грубиян! Чаю гостье не предложили...

Сыщик отвернулся, пряча улыбку, чтобы не рассердить барышню окончательно. Подошел к незакрытой двери, крикнул в коридор:

– Серафима! Чаю неси. С сахаром, слышишь?!

Служанка появилась через пару минут, она не шла, плыла лебедушкой, выгибая шею и лучась глазами. Но увидев, что в комнате не гость, а гостья – насупилась. Шваркнула поднос на стол, аж чашки звякнули, а войлочная курица на пузатом чайнике скособочилась и начала сползать в блюдце с колотым сахаром.

– Ишь, на сладенькое потянуло! – бурчала она, смахивая белые крошки в карман фартуха. – Не напасёшься.

– А пирога не осталось? – с надеждой спросил Мармеладов. – Подавали ведь на ужин.

– Не-а... Постояльцы-то у нас прожорливые. Аль сам не знаешь?

– Симуня, в лавку Катуниных сбегаете? – сыщик зачерпнул из кармана горсть монет. – За медовой коврижкой. Они же рядом, в трёх домах...

– И давным-давно закрыты. Время-то позднее. Порядочные девицы, – служанка проглотила взглядом Лукерью, – в такой час мужчин не навещают.

Та дерзко хмыкнула в ответ и взъерошила волосы. У Серафимы от столь вопиющей наглости перехватило дыхание, но потом она махнула рукой: квартирант шалый, вот и гости к нему захаживают сообразные.

– Погляжу, что в буфете что завалилось.

– И на том спасибо!

Мармеладов разлил чай и протянул одну чашку журналистке.

– Я давно не встречал вас в редакции «Ведомостей». Вы уезжали в Петербург, не правда ли?

– А это вы как вывели? – с любопытством спросила девушка.

– По нескольким приметам. У вас на левой щеке копоть, это означает, что вы приехали с вокзала, – сыщик достал платок из кармана сюртука и протянул ей. – Вы не стерли след прежде, поскольку не знали, что запачкались. Но если бы заехали домой, то непременно посмотрелись бы в зеркало. Так устроены все женщины, даже те, кто переполнен прогрессивными идеями.

– Допустим, – фыркнула журналистка.

– Стало быть, домой не заезжали. Отправили саквояж, а сами поспешили ко мне, чтобы сообщить нечто животрепещущее. Из этого я делаю логичный вывод, что вы прибыли полчаса назад. А в это время приезжает лишь один поезд – петербургский, на Николаевский вокзал.

– Рада, что вы не утратили хватки.

– И потом, – продолжал Мармеладов, не меняя тона, – вчера я спросил у г-на Ганина, где вы запропалились? Верите ли, он схватился за сердце! «Г-жа Меркульева? По счастью, эта заноза уже две недели шатается по столице. Можно отдохнуть от полынных капель, что я пью для успокоения нервов, идеже она бродит где-то поблизости!»

– Заноза?! Так и сказал? – она гневно раздула ноздри. – Мухомор! Уж я начищу его плешь до блеска при самом ближайшем случае.

– Помилосердствуйте! Он же помощник редактора. Не губите авторитет г-на Ганина в глазах подчиненных.

– Он воспаленный прыщ! – распалялась Лукерья. – А его дутый авторитет я засуну глубоко в...

– Так что же привело вас ко мне в столь поздний час? – перебил сыщик.

Журналистка замерла, готовая обрушить на него свое возмущение, но сдержалась.

– Вы правы. Как всегда правы... Незачем тратить слова на этого расфуфыренного выскочку. Расскажу по порядку то, о чем никому прежде не сообщала. Но от вас не утаю ни единого факта. Вы не из тех, кто крадет чужие заметки, выдавая за свои... Вы не разочаруете меня?

– Все силы приложу, дабы не допустить этого.

– Насмешничаете? А я ведь говорю серьезно... Ф-ф-фух! Мне надо собраться с мыслями... Я уже целый месяц веду расследование. Помните взрыв на Волхонке? Написать о нем запретили ненавистные цензоры, но никто не осмелился запретить мне собирать сведения о бомбистах. Как вы знаете, хороший газетчик не сидит на... табуретке в редакции, а отправляется туда, где кипит жизнь.

– И смерть, – спокойно добавил Мармеладов.

Лукерья вздрогнула.

– Да, и смерть тоже. Я прошла по всем тайным сборищам и подпольным кружкам Москвы, но не встретила никого, кто близок с бомбистами. Это и понятно, городок у нас тихий, ленивый и чересчур разнеженный. А в Петербурге постоянно плетутся интриги! Уже нельзя пройти по Невскому, чтобы тебе не вручили листовку с лозунгом, – она понизила голос и произнесла одними губами, – «Долой царя!» Ужасный город, ненавижу там бывать. Но в столице у меня остались полезные связи. Вы помните, надеюсь, что я горячо выступала, выступаю и буду выступать за равноправие женщин с мужчинами?!

– Разумеется, помню, – подтвердил сыщик, но Лукерья продолжала, не слушая его ответа.

– Оттого все бунтари принимают меня как свою. Всего через пять знакомств меня свели с дочкой бывшего петербургского губернатора. Милая девочка: золотые локоны, алые губки, огромные голубые глаза – на первый взгляд, обычная кукла, из тех, что молодые офицеры любят кружить в вальсе на провинциальных балах. Но внешность обманчива. Эта дева характером крепче Жанны д'Арк! Она участвует в собраниях бомбистов и знает всех наперечет, дружна с Натансоном, Чайковским, Кропоткиным.

– Похоже, вы восхищаетесь ею.

– На этот раз не угадали, Родион Романович. Больше всего на свете я не люблю лицемерие. Заговорщики и смутьяны – двуличные мерзавцы, они постоянно лгут друг другу, многие являются тайными агентами, провокаторами, стукачами, но при этом и охранку дурят, ради большей выгоды. А эта юная дворяночка коварнее прочих. Представьте себе, перед каждым собранием она пишет письмо матери. Берет обычный лист из гимназической тетради, – такой, знаете, в косую линейку? – и выводит красивым, ровным почерком: «Дорогая моя, неоцененная мамуля...» Потом раскаивается в том, что сбилась с пути истинного и злоумышляла против императора. А в довершении опускает в воду мизинец и стряхивает несколько капель на бумагу, чтобы растеклись и засохли, будто слезы... Я своими глазами видела. Думаете, в ее словах есть хоть зернышко искреннего покаяния? Дудки! Это тонкий расчет – если арестуют, то потом в суде можно снисхождение выплакать... Разжалобить присяжных, вот и приговор помягче выйдет. А если в этот вечер обошлось без жандармов, девица сжигает письмо и в следующий раз пишет новое.

Лукерья прервалась, выпила остывший чай одним махом, и встала с оттоманки, чтобы поставить чашку на стол. Взяла с блюдца самый маленький кусочек сахара, положила под язык.

– У нее своя цель, как и у многих иных заговорщиков. Они называют отряды «ячейками», намекая, что существует огромная сеть, которая опутывает империю. Никто, дескать, не вырвется! Не уплывет ни малая рыбешка, ни жирные караси, ни зубастые щуки – все в котел попадут. В реальности же сеть эта гнилая, банды разрознены и нет среди них единства. Они время от времени затевают объединение, хотят собрать некий исполнительный комитет, но ни разу еще из этой затеи ничего не вышло.

– Почему? – переспросил Мармеладов. – Не могут договориться, кто станет во главе комитета?

Лукерья потянулась за новым кусочком сахара.

– Каждый бомбист мечтает стать вождем революции, но при этом другим командовать собой не позволит. Они панически боятся друг друга. Любой может оказаться провокатором или того хуже.

– Хуже?

– Намного хуже. Безумцем. Как Фрол Бойчук. Слышали вы о таком? В петербургских кругах это имя произносят шепотом, чтобы не накликать беду. О его жестокости ходят легенды, до того мрачные, что я из-за них уже которую ночь уснуть не могу. Этот кровожадный ублюдок зарезал родную мать. Представляете? Схватил косу и полоснул по горлу... Как? Неужели вас это не изумляет? Смотрите-ка, и бровью не повел! Вас, сударь, ничем не прошибешь!

Сыщик встал с кресла и флегматично налил себе чай.

– Я был готов к чему-то подобному. После сегодняшнего убийства...

– А что случилось? – встрепелась Лукерья.

– Ах да, вы же только что с поезда. Не слыхали еще. Фрол взорвал своего отца, артиста Столетова. Может и не сам бомбу бросил, но следователь уверен, что к этому причастен кто-то из банды Бойчука.

– Да уж, подручных он подобрал себе под стать. Такие же лиходеи, – журналистка зябко передернула плечами, хотя в комнатке не было сквозняков. – Взять хоть бандита по кличке

Хруст! Этот гигант убивает голыми руками. Сжимает голову жертвы с двух сторон и раскалывает череп, как орех. А другой – Рауф, носит ленту на глазу, чтобы тот всегда был привычен к мраку. В нужный момент сдергивает повязку и видит в темноте, будто кошка. Этот особенно ненавидит жандармов, поскольку однажды на допросе его накормили «шлиссельбургской кашей». Слыхали вы про такую пытку? Ее применяют к политическим арестантам. Засовывают широкую трубку в...

– Лукерья Дмитриевна!

– Сыплют внутрь картечь вперемешку с толченым стеклом...

– Избавьте от подробностей.

– А? Да, конечно... Простите, – журналистка закусил губу. – У меня просто в голове не укладывается, что люди, поставленные охранять закон и порядок, готовы идти на подобную жестокость.

– Не так страшен дьявол, как ангелы, с пеной у рта сражающиеся за правое дело, – Мармеладов отхлебнул из чашки, поморщился. – Чай простыл. Хотите еще?

Он приоткрыл дверь и позвал:

– Серафима!

Из коридора послышалось недовольное ворчание.

– Ой, да когда же вы утихомиритесь?

– Скоро, миленькая. Скоро! А пока что принеси еще кипятку.

Лукерья в это время отошла к окошку и в задумчивости водила пальцем по стеклу. Не поворачиваясь к сыщику, спросила:

– Знаете, как Рауф взорвал жандармское отделение? Он влез на второй этаж, в кабинет офицера, привязал его к стулу, вспорол несчастному живот... И вложил бомбу, – она говорила с паузами, пытаясь побороть подкатывающую к горлу тошноту. – Офицер кричал благим матом, к нему сбежались все жандармы. Увидели кровь, попытались перевязать рану... И тут гроыхнул взрыв! Но Бойчук задумал нечто еще более страшное...

Журналистка резко обернулась и подошла к Мармеладову.

– С недавних пор он везде похвастается, что еще до нового года убьет императора.

– Разве не все бомбисты хотят этого? – переспросил сыщик.

– Вовсе нет. Представьте себе, народовольцы до сих пор не имеют общего мнения по данному вопросу. Много спорят, да все впустую. Но даже те, кто желает смерти Александру Николаевичу, не испытывают к нему неприязни. Они признают, что это лишь жестокая необходимость. Они готовы метнуть бомбу в символ самодержавия, а не в человека. Бойчук же переполнен столь жгучей ненавистью к императору, будто тот лично обидел его.

Сыщик помолчал немного, раздумывая о последствиях следующей фразы, но все же решил:

– Лукерья Дмитриевна, вы всегда ратовали за то, чтобы журналисты в своих суждениях не были предвзятыми. Полностью разделяю эту точку зрения. Но заметно, что эту ситуацию вы принимаете чересчур близко к сердцу. В ваших словах о Бойчуке чувствуется откровенная неприязнь.

– А я и не скрываю своей ненависти, – она яростно топнула каблучком. – Вы такой умный и проницательный. Неужели не понимаете? Неужели вам нужно все объяснять? Это бомбисты Бойчука кинули три бомбы в открытые окна конторы обер-полицмейстера на Волхонке. Это его люди убили моего жениха!

Лукерья почти прокричала это, а потом резко сорвалась на шепот:

– Нельзя сказать, что я любила его, но все-таки, приятные чувства...

– Вы сказали – убил? Стало быть, Прохор Степанович...

– Скончался в больнице. Вы не читали в «Известиях»? В некрологе нет ни слова про взрыв, но...

Она отвернулась и заплакала.

– Луша...

Сыщик обнял ее вздрагивающие плечи. Девушка доверчиво потерлась затылком о его небритую щеку, прижалась всем телом. В ее движениях было столько робости, обычно не присущей этой взрывной и решительной особе, что Мармеладов на секунду растерялся и замер, не находя нужных слов.

Именно в эту секунду и распахнулась дверь.

– Фу-ты, ну-ты! – прошипела Серафима. – А я гляжу, у вас тут и без кипятка пар идет!

Мармеладов приложил палец к губам, но служанка сделала вид, что не заметила. Она поставила на стол кружку с горячей водой и сложила руки на груди.

– А я-то думала, в их-ституте благородных девиц обучают манерам. Аль она у тебя вовсе и не благородная?

Лукерья испуганно всхлипнула и отвернулась, спрятав заплаканное лицо на груди сыщика.

– Аль она у тебя уже и не девица?

Уши журналистки горели, как грозди калины в морозный день.

– Да что ты лаешь, выжига? – нахмурился Мармеладов. – У нее жених погиб.

– Это чего ж получается, один прахом пошел, сразу кинулась нового искать? – не унималась прислужница. – Слышь, скавалда, а чего ж ты к непутящему-то притянулась? Аль получше кавалеров не нашлось?

Рыдания все-таки прорвались наружу и Лукерья застонала в голос.

– Мать честна! Ты чего ж, и вправду плачешь? – всплеснула пухлыми руками Серафима. – А я-то, дуреха, тебя по кочкам несусь... Ну все, все. Москва слезам не потакает. Пойду уж, поищу пирога для тебя, горемычная.

Дверь она закрыла со всей возможной осторожностью, чтобы лишний раз не стукнуть.

Лукерья робко отстранилась от сыщика.

– Не смотрите на меня сейчас, Родион Романович. Через минуту я приведу себя в порядок. Платок ваш будет окончательно испорчен, – она продолжала всхлипывать, но в голосе уже пробивались первые всходы новой бури, – но вы сами виноваты. Довели до истерики! А я не плакса какая, за все это время ни слезинки не проронила. Крепилась, как могла. Но нет же. Надо было вам ворваться в мою душу со своими бесцеремонными расспросами.

Сыщик стоял у стола и раскладывал листы протокола в нужном порядке.

– Иной раз и поплакать полезно, – пробормотал он.

– Какого лешего вы это сказали? – а вот и буря, как по заказу. – Полезно поплакать? Seriously? Вы так снисходительны, г-н Мармеладов. Конечно, мне полезно поплакать, ведь я всего лишь женщина. У нас же у всех глаза на мокром месте! Чуть что – слезы, причитания. По-другому же мы не умеем, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.